

БРУДЕРШАФТ С ТЕРМИНАТОРОМ



авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Брудершафт с терминатором

«ЭКСМО»

2002

Полякова Т. В.

Брудершафт с терминатором / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2002 — (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-16203-8

Жизнь порой поворачивается так, что напоминает какое-то кошмарное сновидение. Во всяком случае, Ангелина даже в страшном сне не могла представить, что ее вместе с маленькой дочкой похитят и будут держать в загородном доме. Мало того – она станет любовницей самого опасного и неприятного из ее похитителей. Увы, но это произошло с ней не во сне, а в самой настоящей и очень суровой действительности. И теперь Ангелине надо выяснить, кто же ее друг, а кто враг. А выяснив это, действовать решительно и беспощадно. Ведь только так можно избавиться от кошмара...

ISBN 5-699-16203-8

© Полякова Т. В., 2002

© Эксмо, 2002

Татьяна Полякова

Брудершафт с терминатором

Мне снилось море. Волны ласково омывали золотой песок, кричали чайки, а солнце слепило глаза. Все еще пребывая в сладкой дреме, я подумала: «Надо выбраться на море хоть на недельку», – и тут зазвонил будильник. Я торопливо приподнялась и заставила его замолчать, потерла глаза и со вздохом повернула голову, беспокоясь, что муж проснулся: в офис ему надо к десяти, и он мог бы еще час спать в свое удовольствие.

Однако постель рядом со мной была пуста. Я сунула ноги в тапочки и побрела на кухню, пытаясь окончательно пробудиться. Муж накрывал стол к завтраку, двигаясь, как всегда, неторопливо. Он не терпел спешки и все делал основательно. Я такими достоинствами не обладаю.

– Привет, – потянувшись, сказала я.

Анатолий улыбнулся, подошел ко мне, обнял и поцеловал в нос.

– Привет, – ответил он весело. – Как настроение?

– Пока не знаю. Ты чего вскочил так рано?

– Как же, – усмехнулся он, – у тебя трудный день...

День в самом деле предстоял не из легких: сегодня отчетный концерт в музыкальной школе, где я работаю. Усмешка мужа относилась не к данному факту, а к моей работе вообще. Еще пять лет назад он высчитал, что за год я зарабатываю в десять раз меньше, чем он за месяц, и настойчиво рекомендовал мне оставить работу. Рекомендации я пропускала мимо ушей, мне моя работа нравилась. Муж в конце концов смирился. После рождения Сашки, нашей дочки, он надеялся, что я образумлюсь (это его слова, а не мои), но по прошествии года и двух месяцев я заспешила на работу, и Анатолий с тяжким вздохом признал за мной это право, однако из вредности называл работу в детской музыкальной школе то альтруизмом, то «этой твоей затеей». Сии слова я близко к сердцу не принимала, и жили мы вполне счастливо.

– Волнуешься? – спросил Анатолий, наблюдая, как я с отсутствующим видом помешиваю кофе.

– Ага, – кивнула я.

– Уверен, ты прекрасно подготовилась.

– Дело ведь не только во мне.

– Вот увидишь, все пройдет отлично, – заверил он, перегнулся через стол и подмигнул мне. – Выше нос.

– Да все нормально, – улыбнулась я, хоть по обыкновению уже начала трястись перед концертом. – Ты приедешь? – помедлив, спросила я.

– Надеюсь. То есть я буду очень стараться, и если не случится ничего сверхнеожиданного... Ведь для тебя это важно...

– Не забудь, начало в 17.00.

– Ты же знаешь, я никогда ничего не забываю, – улыбнулся он, и это было чистой правдой.

– Юля приведет Сашку ко мне в школу, – сообщила я. – Если на концерте она устанет, Юля погуляет с ней в парке.

– Да, конечно, – кивнул Анатолий. – Потом отправим их домой, а сами закатимся в ресторан отмечать твою безоговорочную победу.

– Смотри не сглазь, – засмеялась я.

Мы закончили завтрак, на сборы я потратила сорок минут, поэтому к Сашке заглянула лишь на секундочку. Она спала, обхватив белого медвежонка, и я в который раз за утро решила, что я счастливая женщина.

Дверь напротив детской открылась, и появилась Юля, Сашкина няня. Она работала у нас вот уже три года. Отдавать Сашку в детский сад муж категорически отказался, и с этим пришлось считаться. Юля была моей ровесницей, и мы быстро подружились.

– Уходишь? – понизив голос, спросила она.

– Уже бегу.

– Ни пуха ни пера.

– К черту.

Анатолий, сменивший халат на костюм, вышел вместе со мной в гараж.

– Увидимся в пять, – сказал он на прощание и махнул рукой, я кивнула и через три минуты выезжала на проспект Мира, который вел к нашей школе.

День выдался суматошный. Вроде бы ничего еще толком сделать не успела, а стрелки часов уже показывали 16.30. Через пятнадцать минут появились Юля с Сашкой. Я устроила их неподалеку от выхода, чтобы в случае необходимости они могли покинуть зал, никого не беспокоя. Сашка на редкость усидчивый ребенок и музыку любит, однако концерт был рассчитан на три часа, многовато для четырехлетней девочки.

За пять минут до начала концерта позвонил Толя.

– Извини, у меня важная встреча, отменить не получается. Приеду позже.

– Хорошо, – пробормотала я, едва не заревев с досады. Конечно, его работа ни в какое сравнение не шла с моей, и все же... и все же было обидно.

Но он все-таки приехал. Выглянув из-за кулис, я увидела, что муж сидит рядом с Сашкой. Не поверите, как меня это обрадовало, я летала как на крыльях, что бы я ни делала в тот вечер, все у меня получалось. Правда, через час Анатолий уехал, но и это испортить мое хорошее настроение уже не могло.

Концерт прошел прекрасно. И думала так не только я. В общем, если это и не триумф, то с успехом я вполне могла себя поздравить, что и незамедлительно сделала. После концерта я еще немного задержалась в школе. Юля с Сашей отправились в парк. Через час школа опустела, и я с чувством выполненного долга смогла ее покинуть.

Парк начинался в нескольких метрах от центрального входа в школу. С двух сторон его окружали улицы, с третьей – примыкали гаражи городской администрации, расположившейся рядом. Возможно, из-за этого соседства парк всегда выглядел образцово: деревья и кусты подстрижены, дорожки подметены, детская площадка как новенькая, а фонари исправно горят. По этой причине парк был нашим излюбленным местом для прогулок.

Я немного прошла по дорожке и осмотрелась. Юли с Сашкой не было видно, должно быть, они на площадке. Я на мгновение замешкалась, прикидывая, стоит ли позвать их, но потом решила, что лучше немного пройтись, и зашагала дальше. И тут я услышала Юлин голос.

– Саша! – тревожно крикнула она, потом опять: – Саша!

А я ускорила шаг. Юля продолжала звать Сашку, и это вдруг меня напугало. Через минуту я увидела Юльку, она бестолково металась по детской площадке. Заметив меня, с беспокойством спросила:

– Сашка с тобой?

– Нет, – ответила я, категорически запретив себе впасть в панику.

– Мы в прятки играли. Она спряталась, и я не могу ее найти.

– О господи, – вздохнула я, – ты меня напугала.

– Я ищу ее уже минут пять.

– Саша! – громко позвала я. – Бегом ко мне. Я страшно соскучилась и хочу тебя поцеловать.

Тишина. Ни шороха, ни звука. Конечно, можно предположить, что ребенку доставляет удовольствие наше беспокойство, но на Сашу это не похоже.

– Сашенька, – просила Юлька, – пожалуйста, покажись нам.

Ни на площадке, ни на соседней аллее не было ни души. Мы испуганно огляделись.

– Стой здесь, – кивнула я, – а я пробежусь по парку. Может, она спряталась в том конце и не слышит нас.

Я бросилась бегом по аллее, зовя Сашку и без конца оглядываясь. Навстречу шла молодая пара.

– Простите, вы не видели девочку четырех лет? – кинулась я к ним. – В малиновом комбинезоне...

– Вон там у качелей какие-то дети, – махнул рукой парень, и я побежала туда. Конечно, Сашка заигралась с детьми и на наши крики не обращает внимания. Стайка ребятишек носилась возле качелей, Саши среди них не было, да и дети по возрасту ей не подходили, младшей было лет восемь.

– Вы не видели девочку?... – начала я. Конечно, они ничего не видели. Машин здесь нет, следовательно, ничего страшного произойти не могло, уйти из парка самостоятельно Саша тоже не решится, она послушный ребенок. Выходит, она просто спряталась... А вдруг она упала и потеряла сознание? А если провалилась в канализационный колодец или какую-нибудь яму?

– Боже мой, – пробормотала я, поспешно достав из сумки телефон: надо позвонить Толе, в милицию, еще куда-нибудь... И тут телефон зазвонил.

– Ангелина Петровна? – спросил незнакомый мужской голос, когда я ответила. – Вы ищете Сашу? С ней все в порядке. Сейчас вы стоите лицом к гаражам, так вот, вам стоит пройти метров триста, свернуть за ближайший гараж, и тогда вы увидите девочку.

– Но я ничего не понимаю...

– А не надо ничего понимать. Вы делайте, что вам говорят, если, конечно, хотите увидеть своего ребенка.

– Что я должна делать? – растерялась я.

– Я уже сказал.

Я бросилась к гаражам, свернула и едва не наткнулась на огромный джип «Шевроле». Все остальное произошло в считанные секунды. Дверь распахнулась, появился мужчина, которого в первое мгновение я даже не успела разглядеть, схватил меня за локоть и втащил в машину. Впрочем, я и не сопротивлялась, потому что увидела Сашку. Она сидела на заднем сиденье и вертела в руках тряпичного Петрушку с колокольчиками на колпачке, которые забавно звенели, а Сашка улыбалась. Я схватила ее на руки и прижала к груди.

– Сашенька...

– Мама, посмотри, какой смешной...

– Где ты это взяла?

– Мне тетя дала. А где Юля? Юля с нами поедет?

Машина тронулась, а я огляделась. Кроме водителя, в машине находились еще трое мужчин. Вид они имели равнодушный и даже скучающий. Старшему было чуть больше сорока, выглядел он преуспевающим бизнесменом.

– Что происходит? – спросила я, обращаясь к нему.

– Ничего особенного, – пожал он плечами. – Обстоятельства сложились так, что вам некоторое время придется побыть у нас.

– У вас?

– Да. Нравится вам это или нет, но... в общем, вы понимаете.

– Ничего я не понимаю. Какие обстоятельства? Кто такие «вы»?

– Мы – это я и мои друзья. А обстоятельства в настоящий момент непростые. А если вы вздумаете валять дурака и раздражать нас по пустякам, могут и вовсе стать для вас трагическими. Поэтому держите себя в руках и не задавайте глупых вопросов.

– Куда мы едем? Что все это значит?

– Заставите нас нервничать – горько пожалеете об этом, – пожал плечами мужчина.

Парень, сидевший напротив, взял мою сумку и вытряхнул содержимое себе на колени. Мой сотовый передал старшему, все остальное сгреб обратно в сумку и отдал мне. Я посмотрела за окно – мы выезжали из города, через пятнадцать минут пригород остался позади, мы свернули на проселочную дорогу.

– Вы мне скажете, что происходит? – не выдержала я.

– Скажи ей, – кивнул мужчина.

Парень усмехнулся, его ладонь коснулась моей шеи, а потом все поплыло перед глазами, я крепче вцепилась в Сашу и успела подумать: «Это происходит не с нами».

Когда я вновь пришла в себя, первой моей мыслью было: «Что с Сашкой?» Слава богу, она по-прежнему сидела у меня на руках и испуганно таращила глазенки.

– Мама, ты спала? – спросила она тихо, плотнее прижимаясь ко мне.

– Да, дочка, – поспешно заверила я. – У меня был трудный день, вот я и уснула.

– Дядя сказал, что помог тебе уснуть. Он не сделал тебе больно?

– Конечно, нет, милая. Дядя хороший, – прошептала я, косясь на парня, потом торопливо огляделась.

Мы по-прежнему ехали по проселочной дороге, такой узкой, что двум машинам ни за что не разъехаться. По обеим сторонам сплошной стеной стоял лес. Сколько времени мы едем? Что-то я не припомню особо лесистой местности вблизи города. И тут же с испугом я подумала: зачем нас везут в такую глухомань? С какой целью эти люди похитили нас?

Машина сбавила скорость и вскоре совсем остановилась. Впереди виднелся забор с большими воротами. Один из парней вышел из машины, и через минуту ворота открылись. Мы въехали во двор, заросший травой, прямо перед нами стоял деревянный дом, с виду довольно просторный, ставни на его окнах были закрыты. Слева колодец и то ли сарай, то ли гараж, сразу не поймешь, тоже из бревен.

– Выходите, – приказал мужчина.

Выбраться из машины с Сашкой на руках было не так просто. Мужчина попытался взять ее на руки, но я не позволила. Он покачал головой и поддержал меня за локоть, в этом жесте чувствовалась настоящая забота, я даже подумала: «Может, не все так скверно?»

Вслед за ним я поднялась на крыльцо и вошла в дом. Поскольку ставни были закрыты, в помещении горел свет. Мы находились в большой комнате, вдоль стен которой стояли простые деревенские лавки, посередине стол, два кресла, слева на стене вешалка, на которой в настоящее время висел моток веревки.

– Прошу вас, Ангелина Петровна, – кивнул мужчина на ближайшую лавку, – присаживайтесь.

Я села и вновь подхватила Сашку на руки.

– Вы мне так и не объяснили... – начала я, но он перебил:

– А я и не обязан. Будьте добры, выслушайте меня очень внимательно. Несколько дней вам придется пробыть здесь. Скорее всего около двух недель. Возможно, больше. Ребенок останется при вас. Разумеется, в том случае, если вы будете вести себя сдержанно, то есть выполнять те несколько правил, что мы установим. Дом покидать нельзя. Предпримете такую попытку – и лишитесь ребенка. Предупреждаю сразу, заверения типа «я больше не буду» впечатления не произведут, так что подумайте как следует. Повара-француза не обещаю, но в разумных пределах вы получите все, что потребуется. Так как вам придется пробыть здесь несколько дней, вам и ребенку необходимы кое-какие вещи. Прошу вас составить список, завтра эти вещи доставят. Конечно, увлекаться не стоит, это действительно должно быть самым необходимым. Вот вам листок бумаги и ручка, пишите...

– Да, конечно, – кивнула я и даже взяла ручку, но потом положила ее на стол и попросила: – Ради бога, объясните, что происходит?

– Ангелина Петровна, одно из правил – не задавать вопросов.

– Но поймите, я же...

– Я вас прекрасно понимаю. Беспокоиться вам не о чем и бояться нечего. Если вы проявите благоразумие, вернетесь домой. Разумеется, при условии, что не будете создавать нам трудностей. Если такое желание у вас все-таки возникнет... Впрочем, я рассчитываю на ваш ум. Предупреждаю сразу, истерики, а также вопросы и все такое прочее приведут к ужесточению условий содержания. Вас просто привяжут к стулу и сунут кляп в рот. Уверяю, провести две недели в таком положении весьма неприятно. Будьте сдержанны и терпеливы, и тогда все у нас с вами будет хорошо.

– Это как-то связано с моим мужем? – не удержалась я. – Я имею в виду... вы намерены получить выкуп? Можно мне позвонить мужу? Я...

– Позвонить нельзя. Если потребуется, мы сами вас попросим об этом. Напоминаю: вопросы вы не задаете, и это последний раз, когда мне приходится повторяться. Вы все поняли?

– Я ничего не поняла, – ответила я не очень любезно, – но раз объяснять вы не собираетесь...

– Вот именно. Теперь я прошу вас пройти в соседнюю комнату, где вы и будете содержаться.

Меня покорило от его слов, однако я поднялась и прошла вслед за ним в комнату по соседству. Она была чуть больше, под потолком горела лампочка, на стене возле двери еще одна. Лавка, на полу два матраса, подушки и одеяла, стопка постельного белья. Ни мебели, ни каких бы то ни было других предметов.

– Лаконично, – пробормотала я.

– Что? – поднял брови сопровождавший меня мужчина. – А... я так полагаю, вы шутите.

– Пытаюсь.

– Рад, что встретил человека с чувством юмора. Что ж, располагайтесь. Вот здесь душевая, справа туалет. При посещении данных мест тоже устанавливаются правила. В туалет ребенка будет сопровождать охранник, вас на это время запрут в комнате. Если вы, к примеру, пойдете в душ, в комнате запрут ребенка. Все это я объясняю для того, чтобы вы поняли: удрать отсюда затруднительно. Ребенок вымыться сам не сможет, вам придется сопровождать его, следовательно, дверь в душ должна быть открыта, чтобы вы обе находились у охраны на глазах. Попробуйте нарушить правила и... Впрочем, об этом я уже говорил. Итак, составляйте список. – Он взглянул на часы. – Поторопитесь, времени у меня немного.

Не помню как, но список я составила, уложившись в пятнадцать пунктов. Мужчина пробежал его взглядом и усмехнулся.

– Думаю, все необходимое вы получите. – Он повернулся ко мне спиной и не торопясь покинул комнату, вызвав у меня нечто похожее на сожаление: я не теряла надежды хоть что-то узнать.

Дверь в комнату осталась открытой настежь, через минуту в соседней комнате появился парень, которого я видела в машине, он подтащил кресло к самому порогу, сел и уставился на нас с Сашкой.

– Это что, тоже правило? – испуганно пробормотала я. Он не ответил, но и так стало ясно: вряд ли он уберется отсюда.

Мы с дочкой устроились на лавке и обнялись.

– Мама, – прошептала Саша, – почему дядя здесь сидит?

– Он нас охраняет, – ответила я первое, что пришло в голову.

– От зверей?

– Почему от зверей?

– Здесь же лес.
– Ах да, конечно. От зверей.
– Здесь есть волки?
– Не думаю. Волки в наших лесах редкость.
– А крокодилы?
– Ты же знаешь, крокодилы живут в Африке.
– Конечно, я знаю, – вздохнула Сашка и спросила жалобно: – Мамочка, а нам обязательно здесь сидеть?

– Видишь ли... – начала я, но она перебила:
– Мы поедem домой?
– Конечно. Но не сегодня. Ты же слышала, что дядя сказал, нам придется здесь немного пожить.

– А папа?
– У папы много дел. Давай я тебе расскажу сказку.

Я рассказывала ей сказки до тех пор, пока она понемногу не успокоилась и не перестала коситься на парня в кресле. Впрочем, я сидела к нему спиной, стараясь загородить его от Сашки. Обняв меня, она начала дремать, и я перенесла ее на матрас, застелила постель и уложила ребенка спать, а потом и сама легла рядом. Парень поднялся, чем здорово напугал меня, но оказалось, что он просто выключил верхний свет, теперь в комнате горела только лампочка над дверью. Ужином нас не накормили, да я о нем и не вспомнила. Саша дважды за вечер просилась в туалет, и парень отводил ее, каждый раз запирая дверь комнаты на ключ, а я не могла дождаться, когда вновь увижу своего ребенка. Меры предосторожности они приняли суровые, это приходилось признать. Я лежала спиной к охраннику и кусала губы, прислушиваясь к дыханию дочери. Поворачиваться было страшно, чужой взгляд жег затылок, а свет раздражал. Где-то я читала, что в тюрьме спят со светом. Что ж, здесь самая настоящая тюрьма. Кто эти люди, точнее, кем они могут быть? Разговаривающий со мной мужчина на бандита совершенно не похож, и речь у него специфическая... чиновничья, что ли... Какая глупость, чиновники людей не похищают. Конечно, это бандиты. Им нужен выкуп. Анатолию уже звонили? При мысли о муже я тихо заревела от тоски, а еще от жалости к нему. Каково ему сейчас? Господи, лишь бы все поскорее кончилось. Я пыталась настроить себя на оптимистический лад. Анатолий заплатит любые деньги, а этот тип сказал... И тут ко мне явилась мысль, которая по-настоящему меня испугала: эти люди не прячут лиц. Следовательно, отпускать нас никто не собирается. Я покрылась холодным потом и зажмурилась от ужаса. Конечно, этот мерзавец пел соловьем с одной целью: успокоить меня, чтобы я не создавала лишних проблем. Неужели они способны убить ребенка? Что может рассказать о похитителях четырехлетняя девочка? А если они не захотят рисковать? Господи... Я кусала губы, пытаюсь держать себя в руках, но страх не проходил, я молилась и жалась к Сашке, мне очень хотелось поверить в чудо: я усну, проснусь, и тогда вдруг окажется, что все происходящее лишь дурной сон.

Утро ничем не отличалось от вечера, то есть установить, какое на дворе время суток, было невозможно, ставни по-прежнему были плотно закрыты. Я взглянула на часы, они показывали девять. Саша спала, я зажмурилась, не надеясь больше уснуть. Рядом хлопнула дверь, послышались шаги, а потом и мужской голос. Я боялась повернуться и посмотреть, что происходит.

– Как дела? – спросил мужчина.
– Работенка не пыльная, но уж больно нудная, – ответил ему наш ночной страж. – Баба ведет себя тихо, девчонка смирная. Ты им барахло привез?
– Да, вот здесь, в сумке.
– А что со жратвой?

– И жратву привез. Иди поешь.

– Нет уж, потерплю до дома. Мне это сидение уже в печенках.

Они простились, вновь шаги и скрип двери. Кто-то прошелся по соседней комнате, затем все стихло, а вскоре проснулась Саша.

– Мама, я домой хочу, – прошептала она, лишь только открыла глаза.

– Придется потерпеть, солнышко, – улыбнулась я. – Очень тебя прошу.

– Ты плачешь?

– Нет.

– Ты говоришь неправду. Ты плачешь. А еще говорила, что плакать не умеешь. Что-то плохое случилось? Что-то очень плохое?

– Да, солнышко. Но если мы будем правильно себя вести, все плохое непременно кончится.

– И мы поедем к папе?

– Конечно.

– Я буду хорошо себя вести, – заверила Сашка.

Охранников было трое, они менялись каждые восемь часов. В первую ночь дежурил Слава, я слышала, как его назвал так сменивший его парень. Этот Слава производил впечатление умственно отсталого. Лицо круглое, невыразительное, в глазах пустота, на губах глуповатая улыбка, чему он улыбается, понять невозможно. За мной он наблюдал старательно, но в общем-то равнодушно. Я пыталась не обращать на него внимания, и мне это почти удавалось.

Второй охранник по-настоящему меня пугал, хотя объяснить причину своего страха я затруднялась. От него я не услышала ни слова, если мне требовалось в туалет, он молча кивал и провожал меня, можно было подумать, что он немой, потому что и с остальными охранниками он не разговаривал. По крайней мере я этого не слышала. Когда я исподтишка наблюдала за ним, казалось, он вроде бы не обращает на меня внимания, но стоило мне повернуться спиной, и его взгляд тут же начинал сверлить мне затылок. Было в нем что-то настораживающее, во взгляде, в походке, в самой фигуре, в том, как он сидел, развалился в кресле, лениво двигал челюстями с любимой жвачкой. Такому убить человека, должно быть, не в диковинку... Я ничего о нем не знала, но была уверена – он убийца. Лет тридцати пяти, может, меньше, высокий, плечистый, на первый взгляд неповоротливый увалень, но только на первый, понаблюдав за ним некоторое время, становилось ясно, впечатление это обманчиво, повадками он напоминал кобру: пугающее спокойствие – и вдруг молниеносный бросок. Его способность сидеть часами, практически не двигаясь, приводила меня в ужас, было в этом что-то звериное. Он закидывал ногу на ногу, устремлял взгляд в пространство и монотонно двигал челюстью, свесив руки с подлокотников кресла. Широкая ладонь с короткими пальцами тоже рождала ассоциации с животным, впечатление усиливали рыжеватые волосы, покрывавшие руки, точно шерсть лапу зверя. Лицо беспокоило некой неправильностью, оно было явно асимметричным, верхняя губа вздернута, точно он презрительно усмехался. На второй день, когда он провожал меня в туалет, я поняла, в чем дело: с левой стороны, ближе к уху, лицо его было изуродовано шрамами, которые успели затянуться, скорее всего след старого ожога. Я боялась оставить с ним Сашку даже на минуту и с ума сходила от беспокойства, когда он провожал ее в туалет. Казалось, в нем начисто отсутствовали нормальные человеческие эмоции, и это было страшнее всего.

Третий охранник, парень лет двадцати семи, шатен с ярко-синими глазами. Я почти сразу сделала на него ставку. К тому времени окончательно стало ясно: живыми нас отсюда не выпустят. Если я хочу спасти Сашку, необходимо что-то предпринять, попросту говоря, сбежать, а без посторонней помощи это дело безнадежное. Появление Олега, а именно так звали парня, зародило в моей душе робкую надежду. Прежде всего он улыбнулся мне, лишь только устро-

ился в кресле, а псих, так я мысленно окрестила второго охранника, исчез с моих глаз. Я поспешно отвернулась, он не сказал ни слова, но где-то через час предложил:

– Может, хотите чаю?

– Нет, – ответила я, не поворачиваясь к нему.

– Может, Саше что-нибудь надо? Есть сок, ананасовый и персиковый.

Такая забота в первое мгновение вызвала у меня приступ бешенства, хотелось орать, топтать ногами и послать этого Олега к черту с его добротой. Конечно, я себе этого не позволила и ответила:

– Спасибо, ничего не надо.

– Мама, я хочу сок, – зашептала мне на ухо Сашка, и пришлось обратиться к парню. Сок он принес и, передавая мне пакет и пластиковый стакан (иная посуда отсутствовала, может, они опасались, что я по примеру графа Монте-Кристо начну рыть подкоп алюминиевой ложкой?), так вот, передавая мне пакет, он опять улыбнулся, и выглядело это вполне по-человечески.

Но радоваться я не спешила. Нормальные люди женщин и детей не похищают, следовательно, оболящаться тем, что парень так мило улыбается, не стоит. Как известно, маньяки часто выглядят тихими, скромными людьми, которым ты охотно доверишь перевести через дорогу своего ребенка. Однако вскоре во мне затеплилась надежда, а потом появилась мысль, что при правильном подходе я смогу убедить его помочь мне выбраться отсюда.

Когда находишься с человеком в одной комнате восемь часов подряд на протяжении нескольких дней и при этом ни ты, ни он ничем особо не заняты, поневоле начинаешь приглядываться к человеку и узнавать его. Так вот, очень скоро я решила, что с Олегом мне повезло, он хороший парень. Приходилось только удивляться, какая нелегкая занесла его в эту компанию. Он был не прочь поболтать, а я слушала и время от времени кивала, никакой ценной для меня информации разговоры не несли, он болтал о погоде, о рыбной ловле, о фильмах, которые смотрел на днях, еще рассказывал о племяннице, которой, как и Саше, четыре года. Племянницу он очень любил, лишь только он вспоминал о ней, лицо его становилось нежным и даже красивым.

На следующий день он явился на дежурство с большим пакетом под мышкой, сменил на посту Славу и, как только тот ушел, развернул пакет. В нем оказался альбом для рисования, карандаши и краски, а также две толстые книжки сказок. Сашкиному счастью не было предела. Она рисовала целый день и вроде бы на время забылась.

– Мама, нарисуй зайчика, – попросила она.

Художником я была весьма посредственным, и заяц у меня вышел похожим на оригинал лишь длиною ушей, но Сашке он понравился, она весело хохотала, тыча в него пальцем.

– А я умею рисовать бегемота, – заявил Олег, с улыбкой наблюдая эту сцену. – Хочешь, тебя научу?

– Хочу, – обрадовалась Сашка, и через минуту они устроились рядом и занялись рисованием. Будь у меня под рукой что-то тяжелое, мне бы ничего не стоило подойти со спины и огреть Олега по голове. Если в доме мы втроем (а так, судя по всему, и было), это реальный шанс выбраться, да вот беда, ничего тяжелого под рукой не было.

Возможно, такие мысли не делали мне чести: человек с пониманием отнесся к нашему положению и пытался облегчить его в меру сил, надо бы спасибо сказать, а не вынашивать коварные замыслы, но мне на это было наплевать, я думала лишь о том, как спасти своего ребенка. В общем, пришлось лишь горько сожалеть, что я упустила такую возможность.

Урок длился где-то около часа, и Сашка была совершенно счастлива, когда смогла самостоятельно нарисовать бегемота.

– Молодец, – похвалил Олег и отправился на свое кресло, а я стала читать дочке сказку.

К концу своей смены он сделался менее разговорчивым и вроде бы даже погрузился. Около восьми появился псих, вошел, по привычке огляделся, не поздоровался с Олегом,

должно быть, считая это излишним, и тут взгляд его упал на альбом и краски, которые все еще лежали на лавке.

– Это что? – вдруг спросил он, разворачиваясь к Олегу, тогда-то я впервые услышала его голос, он был неприятным, под стать его внешности.

– Что? – удивился Олег. Голос его звучал неуверенно, он сам это почувствовал, откашлялся и сказал: – Что особенного? Принес девчонке краски... – Договорить он не успел. Псих легко приподнял его с кресла и ударил так, что Олег пролетел пару метров и, не удержавшись на ногах, упал.

– Придурок, – покачал головой псих, перевел взгляд на меня и бросил: – Успокой ребенка. – Потому что перепуганная Сашка зашлась отчаянным криком: ранее таких сцен ей наблюдать не приходилось, да и мне тоже, поэтому напугана я была не меньше, хоть и не издала ни звука.

Олег поднялся и, не глядя в нашу сторону, поспешно ушел, а мы с Сашкой забились в угол, спиной к этому мерзавцу, боясь повернуться, и так просидели до тех пор, пока Сашка не начала дремать. Рано утром его сменил Слава, и я вздохнула с облегчением. Восемь часов тянулись очень медленно, я гадала, появится сегодня Олег или нет. Психу ничего не стоило рассказать о происшедшем своим хозяевам, и у Олега могли быть неприятности. Скорее всего парня заменят другим охранником.

Однако в положенное время он появился в доме. Увидев его, я не смогла скрыть вздоха облегчения. Как только мы остались одни, Олег достал из сумки куклу Барби и протянул Сашке:

– Держи, это тебе в подарок от моей племянницы.

– Не надо, – испугалась я.

– Вашей дочке не нравится Барби? – улыбнулся он.

– Не в этом дело. У вас будут неприятности. Этот человек... не знаю, как его зовут...

– Да пошел он... Что плохого в том, что я принес куклу? Девочка целый день взаперти, надо же ей чем-то играть.

– Спасибо вам, но... я не хочу, чтобы он...

– Он что, приставал к вам? – нахмурился Олег.

– Он? – пролепетала я: даже теоретическая возможность такого шага вызывала у меня животный ужас. – Нет... мне ведь обещали, что если я... если мы... нас никто не тронет.

– Он психопат, и похоже, ему наплевать на чьи-то обещания. Просто я видел, как он на вас смотрит. Поосторожнее с ним. Извините, не стоит об этом говорить при ребенке.

Я стояла замерев, боясь пошевелиться, и только после его слов вспомнила о Сашке. Она ничего не поняла из нашего разговора и ждала момента, когда можно будет поиграть с Олегом.

Мы пообедали, я искупала Сашку, и она уснула в обнимку с куклой. Я села рядом и таращилась на дочь, пытаясь сдержать слезы.

– Не переживайте, – подал голос Олег, – я уверен, все будет хорошо. Потерпите немного.

– Вы знаете, почему нас здесь держат? – повернувшись к нему, спросила я.

– Нет. Но догадаться нетрудно.

– Они требуют деньги у моего мужа? – Я сама удивилась, сказав «они», но поправлять себя не стала.

– Ничего об этом не слышал. Думаю, все дело в бизнесе. Что-нибудь не поделили, теперь будут улаживать. Надо просто потерпеть.

– Они ведь не убьют ребенка, правда? Ребенок совершенно ни при чем, – испуганно сказала я.

– Конечно, нет. Не думайте об этом. Никто вас не убьет. Вот увидите, они договорятся... Ну, заставят вашего мужа пойти на какие-то уступки. Главное, чтобы вы вернулись домой. Все будет хорошо, – закончил он.

«Может, предложить ему деньги? Судя по всему, парня просто наняли нас охранять; сколько бы ему ни заплатили, муж заплатит в десять раз больше. Но как сказать ему об этом? Что, если он откажется? Я не должна все испортить своей торопливостью. Надо набраться терпения, попытаться расположить его к нам, чтобы ему в самом деле захотелось помочь. Вопрос, есть ли у меня на это время? Что, если я теряю драгоценные часы и потом горько пожалею об этом? Вот сейчас скажу ему: «Олег, мой муж заплатит сто тысяч долларов, только отвези нас к нему». Не сделать бы хуже. Что, в сущности, я знаю об этом парне? Ничего. И доверять ему тоже не могу. Сто тысяч большие деньги, не попасть бы из огня да в полымя».

– Через полчаса закончится моя смена, – заметил Олег, взглянув на часы. Прозвучало это так, точно данное обстоятельство являлось для него величайшим несчастьем.

Я почти решилась заговорить, но что-то удержало меня в последнюю минуту, и я промолчала, затем вспомнила о кукле и попросила Сашку:

– Давай уберем Барби, думаю, ей надо немного отдохнуть, она устала от игр.

– Но почему, мама? – захныкала Сашка. – Барби любит играть.

– Лучше все-таки убрать ее, к примеру, под подушку.

– Если вы из-за меня, то напрасно, – вмешался Олег. – Я не вижу ничего плохого в том, что сделал, и прятаться не собираюсь.

– Но этот человек... он думает иначе, и я не хочу...

– Да пошел он к черту... Хотя, конечно, раздражать его не стоит. В общем, решайте сами.

Я все-таки уговорила Сашку убрать куклу.

– Он всегда приезжает минут за пятнадцать, – вздохнул Олег, вновь взглянув на часы. – Если бы я мог оставаться с вами все время... Славка немного тормозной, но в общем-то неплохой парень, в том смысле... Ну, вы понимаете. А этот психопат. Я боюсь за девочку, мало ли что придет ему в голову...

Лучше бы он не говорил этого. Ни о чем другом я больше думать не могла. Он провожает моего ребенка в туалет, запирая меня в комнате, остается с ней один на один, и я ничего не смогу сделать...

– Что с вами? – спросил Олег, поднимаясь. – Вы побледнели...

– Неважно себя чувствую.

Я схватила Сашку и прижала к себе, устроившись на лавке. Хлопнула входная дверь, послышались шаги, Олег повернул голову и сказал слегка заискивающе:

– Привет, Алексей. – А я боялась поднять глаза. Он не ответил, Олег уступил ему место, он устроился в кресле и вдруг поманил Сашку рукой.

– Иди-ка сюда.

– Зачем? – испугалась я.

– Тебя не спрашивают. Иди, – повторил он.

– Что вы хотите от моего ребенка? – боясь сорваться на крик, спросила я, но Сашка выскользнула из моих рук и пошла к нему. Я хотела броситься следом, но заставила себя успокоиться. Сашка подошла почти вплотную, он взял ее за руку и неожиданно улыбнулся. Мне его улыбка показалась фальшивой, да и не умел он улыбаться. Верхняя губа вздернулась, обнажив неправдоподобно белые зубы.

– Скажи-ка, что тебе дядя принес сегодня?

– Дядя Олег? – отважно спросила Сашка.

– Точно, дядя Олег. – Он попытался улыбнуться еще шире.

– Барби. Хотите покажу?

– Ну, давай.

Сашка припустилась к постели, достала куклу и гордо вернулась с ней.

– Хорошая кукла, – кивнул Алексей и перевел взгляд на Олега. – Ума у тебя, как вижу, не прибавилось, – сказал он с намеком на печаль.

– Подумаешь, кукла, – нахмурился Олег.

– Ты дурака-то из себя не строй, – презрительно фыркнул Алексей. – Добреньким хочешь быть? И вашим и нашим?

– Чего ты несешь? – повысил голос Олег.

Алексей встал и резко захлопнул дверь перед моим носом, ключ повернулся в замке.

– Ты, умник... – услышала я, потом послышалась какая-то возня. Через несколько минут все стихло. Я стояла возле двери, сцепив руки на груди, и не сразу сообразила, что Сашка, держась за мой подол, испуганно шепчет:

– Мама, почему дядя закрыл дверь?

– Все хорошо, – пробормотала я, хватая ее на руки.

Дверь распахнулась, и я увидела Алексея, он привычно устроился в кресле, точно готовился посмотреть телевизор, в нашу сторону вроде бы не взглянул. Где-то через полчаса спросил:

– Ужинать будете?

– Да, – кивнула я, удивляясь: раньше он не спрашивал, а просто приносил еду в термосах.

Он толкнул ко мне столик на колесах с термосами и пластиковой посудой и устоялся на меня. Это было неприятно, и я поспешно отвела взгляд. Нам бы следовало вымыть руки, но о том, чтобы лишний раз отпустить с ним ребенка, и речи не могло быть, поэтому я торопливо принялась раскладывать кашу по тарелкам. Как и обещал неизвестный похититель, кормили нас хорошо, с учетом того, что один из пленников ребенок. Алексей все еще таращился на меня, как будто собирался что-то сказать, но передумал, и я уже решила, что свое обычное молчание он не нарушит, но он вдруг заявил:

– Зря ты на него рассчитываешь. Он не поможет. Хоть он и дурак, конечно, но не до такой же степени.

– Он просто принес девочке игрушки, – нахмурилась я. Начало разговора мне не понравилось.

– Все с чего-нибудь начинается, – усмехнулся он, – но это плохая идея.

– Вам известна хорошая? – не выдержала я.

– А у тебя характер, – вдруг заявил он, немного помолчав. – Тебе ведь сказали, сиди и жди. Только и всего.

Я надеялась развить эту тему, но он замолчал так же неожиданно, как и заговорил. Начать разговор первой я не решилась, и вечер закончился как обычно. Несколько раз я ловила его взгляд, в нем не было ничего, кроме внимания. «Человек сидит и наблюдает за другими людьми, выполняет свою работу, – мысленно усмехнулась я. – Для него это просто работа, за которую платят деньги».

Ночью я опять не спала, прислушивалась к Сашкиному дыханию и думала об Олеге. Я думала о нем даже больше, чем о муже. «Не стоило ему так явно демонстрировать свою симпатию к нам, – с сожалением и даже злостью решила я. – Он только все испортил. Если этот псих донесет о его поведении хозяевам, они будут очень осторожны, в лучшем случае его уберут отсюда, а в худшем... Этот псих прав, глупо рассчитывать на его помощь». И все-таки я надеялась. Я таращилась в стену напротив, спиной чувствуя чужой взгляд и пытаюсь придумать, как завести разговор с Олегом. Что и как ему сказать, чтобы убедить... Все, что приходило в голову, никуда не годилось. А вдруг завтра он уже не придет? Я закусила губу, чтобы не зареветь, подумала с отчаянием: «Надо было раньше...» Что раньше? А вдруг они не обманывают, вдруг нас отпустят и мы через пару недель окажемся дома?... Здесь, в этой комнате, в такое верилось с трудом.

Когда Олег появился, лицо его украшал здоровенный синяк. Дождавшись Славкиного ухода, я спросила:

– Это он вас?

– Ерунда. Считает себя крутым, ну и на здоровье. Как Сашенька, все в порядке?

– Да, спасибо. Правда, она который день в этой комнате, а здесь даже форточку открыть невозможно.

– Я могу с ней погулять, – легко предложил Олег, – возле дома, но вас придется запереть здесь. Не обижайтесь.

– А если об этом узнают?

– Мы попросим Сашу никому не рассказывать.

– Не думаю, что это разумно. Я не хочу, чтобы у вас были неприятности и у меня тоже.

Мы одни в доме?

– Сейчас да.

– Значит, вы приезжаете из города?

– Ангелина Петровна, – мягко улыбнулся он, – это как раз те сведения, которые вам знать не положено.

– Извините, – поспешно отступила я.

– Да, мы приезжаем из города. Это все, что я могу вам сказать. И еще: уверяю, вам нечего беспокоиться. Вас отпустят. Иначе я бы здесь не сидел. Понимаете? Одно дело посторожить женщину с ребенком, и другое... другое ни за какие бабки. Я никогда бы не подписался на такое дело, если б не был уверен... Все будет хорошо, – закончил он.

– У меня нет вашей уверенности, – ответила я, отводя взгляд. – Я не знаю, что это за люди и чего они хотят от моего мужа. Думаю, все-таки денег. Похитители очень редко отпускают заложников, хоть вы и пытаетесь убедить меня в обратном. Я не могу не бояться; если б я была одна, но... но ребенок... Помогите мне, – вдруг выпалила я, сама удивляясь, как это случилось.

– Помочь? – переспросил он в замешательстве, но тут же усмехнулся: – Вы в том смысле... Это было бы очень глупым поступком с моей стороны. Скорее всего, меня обнаружат в какой-нибудь яме с перерезанным горлом. Тот же Алексей весьма охотно проделает эту операцию. Его хлебом не корми, дай показать, какой он крутой.

– Мне не следовало просить вас об этом, – пробормотала я.

– Я вас понимаю, но и вы поймите... Если я узнаю, что вам что-то грозит, я... я помогу, клянусь. В отличие от многих людей угрызения совести для меня не пустой звук.

Очень хотелось верить в эти слова. Однако людям с совестью стоило выбирать работу более осмотрительно, об этом тоже забывать не следовало. И все же разговор придал мне уверенности. Теперь в стане врага у меня был друг, ну, если и не друг, то человек, мне сочувствующий. Принимая во внимание мое положение, это уже немало.

Когда Саша уснула, Олег предложил выпить чаю. Подкатил столик, устроил меня в кресле, а сам сел на лавку. Наверное, я могла бы выскочить и даже успеть добежать до двери, которая скорее всего заперта, но эта мысль даже не пришла мне в голову, раз Сашка спала в комнате и в настоящее время ее закрывала от меня спина Олега. Наверное, поэтому он чувствовал себя уверенно и не боялся неожиданностей.

– Я пирожные привез, – улыбнулся он, – вон там в пакете, достаньте, пожалуйста. Корзиночки Саше, она вчера сказала, что любит их. А вы любите эклеры, точно?

– Да, – кивнула я, – у вас хорошая память.

– Не жалуюсь.

– Почему вы это делаете? – решительно спросила я.

– Что? – удивился он, но было ясно, что вопрос понял, пожал плечами, вздохнул и виновато улыбнулся: – По разным причинам.

– Назовите хотя бы одну.

– Пожалуйста. Не люблю чувствовать себя сволочью. Этого достаточно?

– Нет, – настаивала я, может быть, из упрямства, но скорее всего действительно хотела понять.

– Конечно, мне следовало хорошо подумать, прежде чем связываться с подонками. Согласен. Представляю, что вы думаете обо мне. Правильно думаете, – заметил он с горечью. – Только вы ведь ничего обо мне не знаете... Вы не знаете, каково это жить с матерью-алкоголичкой в бараке, где крысы шныряют белым днем, а слово «таракан» дети произносят раньше, чем слово «мама». Вы не знаете... Извините, – запнулся он, – зря я это все говорю. Вы не виноваты, и никто не виноват.

– Я не хотела вас обидеть, – торопливо сказала я. – Иногда в самом деле стоит подумать о том, что обстоятельства бывают разные. Я не имею права...

– Все нормально, – перебил он и улыбнулся. – Для таких, как я, в этой жизни дорог не так уж много. Можно продолжать счастливую жизнь в бараке, честно трудиться, это, кстати, тоже выход. Годам к сорока сможешь купить квартиру в «хрущевке» на окраине, если раньше не запьешь с горя. А как не запить, когда вокруг нищета да еще дурная наследственность. Можно, конечно, попытаться заработать деньги, но это парню вроде меня ой как непросто. Школу я закончил неплохо и в институт смог бы поступить, но вместо этого пошел в армию. А в армии своя школа, в основном учат, как сберечь шкуру и укокошить ближнего своего. Скажем прямо, не по-христиански. И после армии лучше не стало. Одно хорошо – двоюродная сестра приютила, на работу устроился, но не мог же я у нее на кухне жить, надо и совесть иметь, а снимать квартиру мне не по карману. И в один прекрасный момент ты посылаешь всех к черту и говоришь себе: я хочу денег, и мне плевать, как я их заработаю.

– Очень жаль, – серьезно сказала я, когда он замолчал.

– Что?

– Очень жаль, что вам плевать, – ответила я. – Моя жизнь до встречи с мужем вовсе не была безоблачной, впрочем, я не считаю ее какой-то особенной. Не у одной меня мама умерла, когда мне было десять лет. Отец женился вторично, и у него были еще дети, а мне особо никто внимания не уделял. Я училась и работала, жила в общежитии, четыре девчонки в одной комнате. Конечно, мне повезло, а вам нет, я встретила Анатолия, но могла ведь и не встретить. Не знаю, возможно, мне бы тоже все надоело и денег бы наверняка захотелось, но я все-таки верю, что «все равно» мне бы не было.

– Да, наверное, – глядя на меня, кивнул Олег. – Вы из другого теста. Поэтому я и чувствую себя рядом с вами... как бы это поточнее выразиться... – Он не успел договорить, мы услышали шаги и испуганно переглянулись. Он посмотрел на часы, а ключ в дверном замке уже поворачивался. Единственное, что мы успели, поменяться местами, Олег сел в кресло, а я откатила столик. Труд напрасный, и так было ясно, чем мы тут занимались. Алексей, конечно, понял, а появился именно он, хотя до его смены оставалось часа три.

– Ты рано, – заметил Олег, голос его предательски дрогнул.

– Кое-что забыл вчера, – усмехнулся Алексей, но смотрел при этом не на Олега, а на меня. Под этим взглядом я почувствовала себя крайне неудобно и торопливо опустила глаза. – А у вас тут мило, – продолжал веселиться он, – по-домашнему. Девчонка не мешает, а то я могу посидеть с ней в кухне, пока вы тут развлекаетесь?

– Ты что, спятил? – нахмурился Олег, косясь в угол, где спала Сашка.

– Я – нет, – удивился Алексей. – Это у тебя с мозгами проблемы. Причем большие. Скажи спасибо, что я помалкиваю о твоих выкрутасах, стукачество не в моей натуре, но тебе я скажу: завалишь дело, я тебе башку оторву. Понял? – Он пошел к двери, но Олег его остановил:

– Подожди, послушай... мы просто разговаривали.

– Ты кому вкручиваешь, придурок? – разозлился Алексей, резко поворачиваясь к Олегу. – Думаешь, я не соображаю? Ладно, ее я как раз понять могу, ей надо выбраться отсюда, и она, чтобы добиться своего, пойдет на все, про папу-маму расскажет и про большую любовь

охотно загнет. А ты чем думаешь, кретин? Как только она окажется возле своего богатенького мужа, ты ей будешь нужен как прошлогодний снег. Она даже не вспомнит, как тебя зовут, а ты башкой рискуешь. – Он вышел, громко хлопнув дверью, ключ в замке повернулся, и стало тихо.

Я разглядывала пол у себя под ногами. Олег вздохнул и потер лицо руками, как человек, который борется со сном.

– Это неправда, – наконец сказала я.

– Я знаю, – ответил он и тоже отвел взгляд.

Оставшееся время мы провели в молчании. Олег выглядел угрюмым. Выходка Алексея, должно быть, произвела на него сильное впечатление. Я чувствовала, что необходимо собраться с силами и поговорить с Олегом, чтобы не лишиться единственного друга, но все слова казались фальшивыми, и я знала, что не смогу произнести их. Когда закончилась его смена, я почувствовала что-то вроде облегчения. Но только до того момента, пока вновь не увидела Алексея.

Когда он появился, я читала Сашке сказку и сидела к нему спиной, стараясь никак не реагировать на его приход, но и спиной чувствовала его взгляд, насмешливый, даже издевательский, а еще в нем была злость, и это меня по-настоящему пугало. С его точки зрения, я могу лишиться его денег, следовательно, я враг. А с врагами не церемонятся. Он не произнес ни слова, и я к нему обратилась лишь однажды, когда Саше потребовалось в туалет. Вечер никогда не казался мне таким тягучим и страшным, а когда мы легли спать, стало даже хуже. Страх ощущался физически, он стал почти материальным, и я как-то отрешенно и без трепета подумала: «Скоро умру», но даже мысленно боялась произнести «убьют», не из-за себя, из-за Сашки.

На следующий день я ждала Олега с беспокойством и нетерпением. Мне хотелось, чтобы он быстрее пришел, чтобы томительное ожидание наконец разрешилось, но я боялась, что он, как накануне, будет молчать, превратившись из друга во врага, и эта мысль приносила мне страдания. Не только потому, что сводила мои шансы спастись к нулю, мне не хотелось в нем разочаровываться, и это открытие буквально поразило меня. «Я слишком много о нем думаю», – испугалась я и всецело сосредоточилась на Сашке. Мы рисовали, когда пришел Олег, широко улыбнулся мне, и я вдруг ощутила нечто подозрительно напоминающее счастье и заплакала, сама не знаю почему. Может, сказалось нервное напряжение, но слезы катились из моих глаз горохом, я поспешно отвернулась. Сашка не могла их не заметить и испугалась:

– Мамочка, почему ты плачешь?

– В глаз что-то попало, – ответила я, торопливо достав платок.

Когда за Славой закрылась дверь, Олег подошел, присел на корточки напротив нас, погладил Сашкины волосы, а потом взял меня за руку.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал он тихо.

Я кивнула, потому что ничего другого мне не оставалось. Конечно, мы могли бы просто сбежать отсюда, раз в доме только он и мы, добраться до ближайшего телефона, позвонить мужу. Разве я могу требовать этого от Олега? Сценарий, предложенный Алексеем... я возвращаюсь к мужу, а он... Анатолий поможет Олегу, он начнет новую жизнь, далеко отсюда, там, где будет в безопасности. Я очень хотела ему сказать об этом – и не могла.

День прошел спокойно, Олег с Сашкой рисовали, потом мы вместе играли в детское лото, которое принес Олег, и старательно избегали любого упоминания о том, что мы в заточении. Со стороны все, должно быть, выглядело идиллически: семья где-то на даче, обожаемый ребенок, счастливые родители... От этого на душе становилось особенно скверно. Я должна его уговорить, подтолкнуть... я не могу рисковать дочерью... Уложив Сашу спать, я решила принять душ. Олег, не отступая от правил, запер дверь в комнату, где спал ребенок. Я уже входила в душевую, когда он неожиданно меня остановил, коснулся рукой моего плеча. Я повернулась и увидела его лицо в нескольких сантиметрах от моего лица, его руку на моем плече. «Почему

бы и нет?» – мелькнуло в голове. Я хотела закрыть глаза и шагнуть ему навстречу, а вместо этого испуганно попятилась. Он сразу же убрал руку и отвернулся, не сказав ни слова.

Я боялась выходить из душа, боялась встретиться с ним взглядом. Я уже знала, что не смогу заставить себя, ложь во спасение оказалась не для меня, я просто не сумею, он все поймет и возненавидит меня. Я сделаю только хуже.

Когда я наконец вышла из душа, Олег сидел в кресле, уставившись в закрытую дверь перед собой. Я встала рядом, не произнеся ни слова, он открыл дверь, и я оказалась в комнате, устроилась на лавке, поджав ноги и обхватив колени руками.

– Я тебе книгу принес, – сообщил Олег, – как ты просила. Не знаю, понравится или нет. Сестра сказала, хорошая. – Он протянул мне книгу «Поющие в терновнике».

– Я ее читала, – сказала я, взяв книгу.

– Да? Завтра принесу другую.

– Не надо. Еще раз перечитаю. Спасибо тебе, – добавила я и только тогда сообразила, что мы перешли на «ты». Было поздно что-то менять, и я только грустно улыбнулась этой мысли.

Проснулась Саша, и оставшееся время мы провели за чтением сказок. Я старательно избегала его взгляда, а он смотрел на меня, хмурился и отвечал Сашке невпопад. А я ждала, вот сейчас, сейчас он скажет: «Все, поехали отсюда», и кошмар кончится. Он не сказал, и я не винила его за это.

В ту ночь я горько плакала, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не потревожить Сашку, и совершенно не обращая внимания на своего стража, который лениво жевал, развалился в кресле, и корила себя за то, что, наверное, должна была сделать, но не сделала. Что я за мать, если не могу спасти своего ребенка?

Я уснула только под утро и потому спала дольше обыкновенного, где-то часов до восьми. Алексея на посту сменил Слава, и меня это порадовало. Но ненадолго, потому что то утро стало для меня настоящим кошмаром. В девять проснулась Сашка, мы позавтракали и устроились на лавке рисовать. Через полчаса хлопнула входная дверь, раздались шаги, по производимому шуму стало ясно, прибыло несколько человек. Я еще не успела по-настоящему испугаться, как в комнате появились трое: тот самый мужчина лет сорока, что привез нас сюда, какой-то парень и Алексей. Старший выглядел хмурым и чем-то недовольным. В комнате было жарко, и Сашка ходила в шортах, майке и босиком.

– Обуйте девочку, – сказал старший, – и наденьте на нее кофту, наверное, будет дождь.

Я повиновалась, боясь задавать вопросы. Ясно, что нас куда-то увозят. Куда, зачем? Неужели отпустят? Неужели все кончилось? Я и сама в это не верила.

– Я должна собрать вещи? – все-таки спросила я.

– Не надо. Они не понадобятся. Возьми ребенка, – кивнул он парню.

Тот подхватил Сашку на руки, а я вцепилась в его локоть.

– Я сама понесу.

– Это на тот случай, если вам взбредет в голову попытаться бежать, – отмахнулся старший. – Выходите по очереди, сначала ребенок, потом вы.

– Я вам обещаю, я... Пожалуйста, можно я сама понесу дочь? – попросила я, чувствуя, как все вокруг начинает стремительно кружиться.

– Иди, – кивнул он парню.

Тот пошел. Сашка испуганно замерла, глядя на меня своими огромными ярко-синими глазами, сжала кулачки, чуть приоткрыла губы и тоненько позвала:

– Мама...

– Я иду, Сашенька, – попыталась улыбнуться я. – Не бойся, я уже иду. – И шагнула вперед.

– Вы на некоторое время останетесь здесь, – заявил старший.

– Что? – охнула я. – Куда вы увозите ребенка? Вы... – Я бросилась вперед, но успела сделать только два шага: Алексей уперся кулаком в мою грудь, точно пригвоздив меня к стене, и тихо сказал:

– Не ори. Напугаешь девчонку. Она же слышит.

Они вышли из комнаты, дверь захлопнулась. Я сползла по стене, в последнем усилии пытаюсь цепляться за реальность, чтобы не лишиться сознания, но мир вокруг заволокло черным, и он перестал иметь значение.

Очнулась я через несколько часов. Возвращение в этот мир было мучительным, а первым, кого я увидела, стал Алексей, он сидел в кресле и по обыкновению пялился на меня. Должно быть, была его смена, значит, прошло по меньшей мере несколько часов.

Я лежала на постели, под одеялом, выходит, кто-то меня сюда перенес, повернула голову, и взгляды наши встретились, это длилось очень долго, пока я наконец не смогла произнести:

– Где ребенок? Где мой ребенок? – повторила я, вскакивая, но переоценила свои силы, все тут же поплыло перед глазами. Скорее всего меня накачали какой-то дрянью, пока я была в отключке. Я прислонилась к стене, но даже так стоять было трудно, и я вновь оказалась в постели. Я продолжала смотреть на Алексея, и он, не отводя взгляда, наконец ответил:

– Тебя предупреждали: будешь дергаться, свяжут и заткнут рот. Тебе оно надо? Вот и лежи спокойно. Два раза повторять не буду.

– Где мой ребенок? – опять спросила я.

Он усмехнулся:

– Не беспокойся. Ничего страшного не произошло. Девочка жива и здорова. Теперь заткнись и не зли меня.

Я ему не верила. Куда и зачем увезли Сашку? Зачем разлучать меня с ребенком? А если они вернули дочку Анатолию? Он заплатил, и они решили отдать ребенка. Это вряд ли опасно для них. Что сможет рассказать Сашка? Жили в доме, с мамой, гулять не ходила, познакомилась с дядей Олегом, у которого есть девочка Таня. Если вдуматься, не так уж и мало, кое-какие сведения можно выудить даже у ребенка. Надеюсь, они все-таки вернули Сашку. Тогда почему мне не сказать об этом? Чего проще? Я бы перестала волноваться... Ерунда, конечно, я бы им все равно не поверила. А если они решили избавиться от нас? Убить ребенка не так легко, даже самому отпетому негодяю. Что, если Сашку отвезли в другой город, бросили где-нибудь на вокзале?.. Или еще хуже, где-то в лесу... Господи, нет, не думать об этом, не думать... Сашка дома, с отцом. Пожалуйста, господа, пусть все так и будет.

Голову разламывало страшной болью. Может, меня отравили, и теперь я медленно умираю? С них станется. Мысли путались, я хваталась за них, но с каждым разом это было все труднее.

Кажется, несколько раз я приходила в себя, воспоминаний об этом почти не осталось. Из памяти всплывает женское лицо, молодое или старое, не помню, оно наклоняется ко мне, потом чей-то голос совсем рядом, он отдается в голове, причиняя невыносимую боль, слов я не понимаю, точнее, для меня непонятен их смысл.

Вновь тишина, голову больше не сдавливал горячим обручем, я с облегчением вздохнула и подумала, что очень хочу спать, и, наверное, уснула, а когда открыла глаза, увидела рядом с собой Олега. Он держал меня за руку, осторожно поглаживая пальцы.

– Ты меня слышишь? – позвал он, и я кивнула.

– Слава богу, – вздохнул он и улыбнулся. – Ты меня здорово напугала.

– Где Сашка? – спросила я, язык не слушался, он казался огромным, я попробовала облизнуть губы, Олег сразу же протянул мне стаканчик с водой, помог напиться. Когда голова моя оказалась на подушке, он вновь заговорил:

– С Сашей все хорошо. Ее вернули твоему мужу.

- Это правда? – с надеждой спросила я.
- Конечно. Ты же знаешь, я не стал бы тебя обманывать. Тут все здорово перепугались, когда ты слегла. А это значит, что ты нужна им живой и здоровой. Понимаешь?
- Да... кажется. Они отпустят меня?
- Конечно. Уверен. С чего бы им тогда беспокоиться о твоём здоровье? Как ты себя чувствуешь? – немного понаблюдав за мной, спросил он.
- Нормально. Если ты сказал правду...
- Я сказал правду.
- Только бы это было так, – прошептала я. – Сашка с отцом, и ей ничего не грозит.
- Она с отцом, успокойся. Хочешь, приготовлю тебе чаю? Тебе обязательно надо поесть.
- Нет, спасибо...
- Послушай меня. Я хочу, чтобы Сашенька увидела тебя такой, как обычно: очень красивой, улыбающейся, а не такой, как сейчас, с запавшими щеками и глазами красного цвета.
- Должно быть, выгляжу ужасно, – слабо улыбнулась я.
- Для меня ты всегда красива, но если ты мне немного поможешь, например, для начала выпьешь бульон, то через три дня от твоей болезни и следов не останется.
- Хорошо, – согласилась я и выпила бульон, не чувствуя его вкуса.
- Отлично, – похвалил Олег. – У меня для тебя еще одна хорошая новость. Я буду дежурить шестнадцать часов. Славка понадобился в другом месте, а я вызвался трудиться за двоих.
- Спасибо тебе, – кивнула я.
- Не благодари. Я сам рад. Если б меня спросили, я охотно согласился бы дежурить все двадцать четыре часа. Когда я дома, думаю только о том, что поеду сюда, и тороплю время. Оно, как назло, идет медленно, а здесь проходит слишком быстро. Теперь мы будем расставаться лишь на восемь часов... Может, подложить еще одну подушку? Будет удобнее.
- Нет, спасибо. Так хорошо.
- Мы выпили чаю, и я опять уснула. Проснувшись, я почувствовала себя вполне выздоровевшей и даже решила принять душ. Я расчесывала волосы, сидя на лавке, а Олег наблюдал за мной. Иногда он вдруг становился молчаливым, и это меня беспокоило. Но такое случалось редко. В основном мы болтали о всяких пустяках, старательно избегая запретных тем. Неожиданно он спросил:
- Ты его любишь?
- Кого? – растерялась я, не сразу сообразив, что он имеет в виду.
- Мужа. Ты очень его любишь?
- Да... конечно, – ответила я неуверенно, потому что испугалась: он не должен был спрашивать, это одна из запретных тем.
- Как он выглядит?
- Выглядит? Обыкновенно, то есть я считаю, что он очень красив, у него лучшая в мире улыбка и... Извини. Ты ведь не это хотел услышать?
- А ведь он прав, – сказал Олег с горечью. – Конечно, прав.
- Кто прав?
- Алексей. Когда все кончится и ты окажешься со своим мужем, ты даже и не вспомнишь обо мне.
- Что нам мешает быть друзьями? – неуверенно предложила я.
- Друзьями, – хохотнул он. – Не смейся. Друзьями... Ты и думать обо мне забудешь.
- Неправда, – повысила я голос.
- Нет, ты не забудешь... Конечно, нет... – Голос его изменился, и теперь в нем слышалась злость. – Возможно, даже в гости пригласишь, чтобы я полюбовался вашим счастьем. Это будет просто здорово... В самом деле здорово, ты, я и твой муж... – Он засмеялся, глядя на меня.
- Я поежилась от этого взгляда и от этого смеха и спросила:

– Ты поэтому не хочешь мне помочь?

Он тут же перестал смеяться и переспросил:

– Помочь? Смыться отсюда? Конечно, я должен тебе помочь, чтобы ты могла вернуться к своему мужу. И я больше никогда не увижу тебя...

– Но ведь это не может продолжаться долго? – сглотнув, спросила я. – Не будут же они вечно держать меня здесь?

– Почему бы и нет? – улыбнулся он, и я вдруг подумала, что он спятил. – Я бы не возражал. Так, по крайней мере, я могу видеть тебя каждый день.

– Это ведь тюрьма для меня, – сказала я тихо. Впечатление, что он неожиданно спятил, только усилилось. – Нет, гораздо хуже тюрьмы, там, по крайней мере, знаешь, за что сидишь и когда отпустят. Олег, пожалуйста, помоги мне, – всхлинула я. – Я знаю, что не имею права просить тебя об этом... Мне бы только позвонить мужу, убедиться, что Сашка дома.

– Она дома, клянусь. Я сам видел, как ее передали твоему мужу.

– Ты говоришь правду? – нахмурилась я. – Ты видел моего мужа?

– Не пытайся меня подловить. Я видел, как девочку забрал мужчина, и я знаю, что забрать ее должен был твой муж. Этого достаточно? Слушай, почему мы говорим о твоём муже? Почему бы нам не поговорить о нас с тобой?

Он подошел и взял меня за руку. Я попыталась освободить ее, но он рывком поднял меня и теперь держал за локти, я попробовала отстраниться, но мешала лавка.

– Олег, – пробормотала я испуганно.

– Ты боишься меня? – вроде бы удивился он и отступил на шаг. – Ты в самом деле меня боишься? Глупенькая... – Он торопливо обнял меня и принялся целовать, а я с трудом подавила в себе желание закричать. Наверное, я бы ударила его, если бы он неожиданно меня не отпустил. – Ты ведь любишь меня? Любишь? Скажи, что любишь... Да соври ты, дура! – крикнул он, я таращила на него глаза, не в силах вымолвить ни слова, а он говорил, точно в бреду: – Ты такая красивая... Ты даже не знаешь... Конечно, знаешь, не один я тебе это говорю. Все мужики от тебя без ума, и ты к этому привыкла. Тебе наплевать, что я чувствую.

– Нет, – перебила я, – мне не наплевать. Я... я не знаю, что тебе сказать. Что я могу сказать? Я люблю мужа, и с этим ничего не поделаешь. Я не хочу тебя обманывать даже ради того, чтобы сбежать. Пожалуйста, прости меня.

– Ты не то говоришь, – тихо и убежденно сказал он, – не то... Ты все выдумала, нет никакого мужа. Есть ты и я. И больше никого. – Он притянул меня за плечи, руки его шарили по моему телу, вызывая у меня отвращение. – Ты ведь тоже этого хочешь, ты хочешь...

– Нет, – ответила я твердо, стараясь быть спокойной.

– Нет?

– Нет.

Он легонько оттолкнул меня и горестно покачал головой:

– Конечно, я тебе не нужен. На кой я тебе черт? Да тебя с души воротит от такого, как я.

– Дело не в тебе, – стараясь быть терпеливой, заговорила я. – Я замужем и люблю своего мужа, вот и все.

– Любишь... – кивнул он, вышел из комнаты и захлопнул дверь.

Ключ в замке повернулся, а я теперь горько сожалела, что нам придется проводить вместе так много времени. Мы одни во всем доме, и у меня нет уверенности, что он не решит воспользоваться ситуацией. Взгляд мой метался по комнате, натываясь на привычные предметы. Ничего такого, чем я могла бы защитить себя. Впрочем, мне и раньше это было известно. «Я не должна была допустить подобного разговора, – в отчаянии думала я, – ведь я же чувствовала, к чему все идет». И вместе с тем твердо знала: даже для своего спасения я не смогу его обмануть. У меня просто не получится. Мне было жаль Олега и жаль себя. И я уже не верила, что затянувшийся кошмар когда-нибудь кончится.

Я очнулась от его прикосновений и в первую минуту решила, что это продолжение ужасного сна: я бегу, меня догоняют, сбивают с ног, я кубарем лечу куда-то... Рядом со мной был Олег, и, увидев его лицо, я по-настоящему испугалась, попробовала вырваться, но это было невозможно, он навалился сверху, бормоча что-то бессвязное. Я подумала, что он пьян, но пьян он не был. Выходит, он действительно спятил, по крайней мере, вел себя как сумасшедший, и мои уговоры на него не действовали. Плевать ему было на уговоры. Я вцепилась в его волосы, пытаюсь высвободиться, а потом ударила локтем в лицо. Удар не был сильным, но привел его в бешенство. Он приподнялся и ударил меня, но я успела увернуться, откатилась в сторону, вскочила на ноги и бросилась из комнаты. Конечно, это было глупо, входная дверь заперта, нечего было и надеяться, что он по забывчивости оставит ее открытой.

Она и вправду была заперта, и ключ в замке отсутствовал. Я оглянулась и увидела Олега, он стоял на пороге в двух шагах от своего кресла и зло усмехался.

– Надеешься сбежать? – спросил он хрипло. – Зря. Никуда ты не сбежишь. Видишь ключ? Видишь? – Он вытянул руку, в которой держал ключ. – Вот он. Хочешь, подойди и возьми. Ну, что же ты? Ведь тебе надо выбраться отсюда. Подойди ко мне... – Он сделал шаг, а я предупредила:

– Не смей приближаться...

– Не смей? – усмехнулся он и покачал головой. – С какой стати мне считаться с твоими желаниями? Разве ты с моими считаешься? Тебе плевать на меня. Ну, скажи: мне плевать...

– Олег, – позвала я, – ради бога, опомнись. Что с тобой?

– Со мной? Со мной порядок. А вот что будет с тобой? Хочешь скажу? Ничего хорошего, ничего хорошего! Ты ведь не веришь, что тебя отпустят? Конечно, не веришь, не такая ты дура. Отсюда тебя вынесут вперед ногами, а перед этим поимеют все, кому не лень. Как тебе такая перспектива? И никакой богатенький муж тебя не спасет. А я бы мог. Я хотел помочь. Только с какой стати мне рисковать башкой ради красивой стервы, которой я не нужен. Что бы ты ни говорила, ведь я тебе не нужен. Кто я такой, в самом деле? А ты... ты... – Он смотрел мне в глаза и не спеша приближался: шаг, второй, третий. За моей спиной была запертая дверь.

– Олег, – заговорила я, стараясь, чтобы голос не дрожал, – опомнись, что ты говоришь, что ты делаешь? Вряд ли это понравится твоим хозяевам.

– Хочешь пожаловаться им? Попробуй. Это будет даже забавно. Нет, в самом деле...

Он еще что-то говорил, но я уже не слушала, взгляд мой наткнулся на табурет, он стоял возле двери, сейчас на нем лежала спортивная сумка. Я никогда бы не поверила, что способна на такое, и все-таки схватила табурет и ударила его, он не удержался на ногах и упал. Я ударила его еще раз, вряд ли сильно, он закрыл голову руками, защищая ее от ударов, а я словно сошла с ума, я даже не осознавала, что делаю, а в себя пришла, когда Олег раскинул руки и замер так, закрыв глаза, по его щекам стекала кровь, и это зрелище привело меня в чувство.

– Боже мой, – пробормотала я, опускаясь на пол, табурет упал, и я вздрогнула от резкого звука. Мне хотелось зажмуриться, хотелось лишиться чувств, но я заставила себя думать о Сашке. – Я хочу ее увидеть, – сказала я громко и поежилась, собственный голос казался чужим.

Я подползла к Олегу, с опаской дотронулась до него. Он не шевелился и, кажется, был без сознания. Это меня здорово напугало. Что, если я убила его? Я нащупала пульс и вздохнула с облегчением, но на смену облегчению вновь пришел страх. Вдруг он сейчас очнется? Я торопливо обшарила его карманы. Ключи от двери, которые он мне показывал, ключи от машины на кожаном брелоке. Я выпрямилась, повернулась с намерением как можно скорее покинуть дом и глухо простонала от отчаяния. Возле распахнутой настежь входной двери стоял Алексей и без всякого выражения на физиономии наблюдал за мной. Я даже не слышала, как он вошел. Мне хотелось кричать от ужаса и обиды, до спасения, казалось, было совсем чуть-чуть, а теперь на моей дороге этот тип, и даже думать смешно, что мне удастся с ним справиться.

Между тем он отлепился от дверного косяка, дошел до середины комнаты без спешки и видимого беспокойства, не закрыв за собой дверь, и заметил с усмешкой:

– Наш мальчик все-таки доигрался. – На его физиономии появилось нечто, с натяжкой именуемое улыбкой. – Что ж, – добавил он философски, – этого и следовало ожидать. – Наклонился, пощупал артерию на шее Олега и поморщился: – Жив... Ключи у тебя? – повернулся он ко мне.

– Да, – с трудом разжав челюсти, ответила я.

– От его тачки тоже?

– Да, – кивнула я и отвела руку с ключами за спину.

– Тогда чего ты стоишь? – поднял брови Алексей в крайнем недоумении. – Его тачка во дворе, моя возле забора, не перепутай.

Услышанное произвело на меня шоковое впечатление. Не знаю, что могло бы поразить меня больше, чем его слова, но страх пересилил. Я метнулась к двери, однако через пять шагов замерла. Он не мог просто так взять и отпустить меня. Что-то не так... Что они задумали?

– Ну, чего еще? – нахмурился Алексей, заметив мою нерешительность.

– Вы меня отпускаете? – пролепетала я, не веря самой себе.

– А меня здесь нет, – заявил он. – Моя смена через час. Вот тогда я и появлюсь. Надеюсь, этого времени тебе хватит, чтобы найти нору поглубже?

Его слова не успокоили и не внесли ясности, но передо мной была распахнутая дверь, и я бросилась во двор, оставив все сомнения на потом.

В нескольких метрах от крыльца стояли старенькие «Жигули», ворота во двор были закрыты, но не заперты. На то, чтобы распахнуть их, завести машину и развернуться, ушло не более трех минут. Я выскочила на лесную дорогу и тут же едва не застряла в глубокой колее – не так давно прошел дождь, – однако мне удалось выбраться. Я ехала по узкой дороге на предельной скорости, терла лицо, стараясь прийти в себя. Мысли путались, окружающее виделось точно в тумане. Куда ведет дорога? Я не знаю. Так же как не знаю, в какой стороне город. Если Алексей решит преследовать меня, труда ему это не составит, возле ворот я видела джип «Ниссан». Нелепость, зачем ему меня преследовать, если он сам позволил мне уехать? Но я здорово рискую, если кто-то поедет мне навстречу, кто-то из моих недругов... Я решила бросить машину и дальше идти пешком, зная бы еще, куда двигаться, преодолела небольшой подъем, и прямо передо мной появилось шоссе, на которое меня вывела проселочная дорога. Я по-прежнему не знала, в какой стороне город, и поехала наудачу, свернув налево. Я успела проехать километров двадцать пять, за все это время не увидела ни одной машины, ни одного указателя. Это странным образом напоминало сны или кадры сюрреалистического фильма, шоссе, ведущее в никуда, исчезнувшие поселки, города, растворившиеся вместе с людьми и не оставившие о себе памяти. Я в самом деле уже была готова верить в такое, как вдруг впереди возник указатель: «Николино, 0,8 км». Стрелка показывала направо, и я свернула, мне просто необходимо было увидеть живое существо.

С громким лаем к машине бросилась дворняжка, а вслед за ней из-за ближайших кустов появилась старушка в белом платочке, на плечах она несла корзину, набитую травой, она с любопытством посмотрела на меня, а я затормозила.

Через десять минут выяснилось, что до города добраться не так просто. Придется проехать километров тридцать в сторону поселка, а уж оттуда возвращаться назад.

– Вы нужный поворот давно проехали, – заметила бабушка. – Если вам сейчас назад возвращаться, выйдет дольше. Можно попробовать напрямую, вон за теми кустами увидите дорогу, она выведет на шоссе к городу, но эта дорога не везде хорошая, после дождя, не скажу, проедете или нет.

– Извините, а телефон в деревне есть?

– Что ты, милая, – улынулась старушка. – Какой телефон, у нас пять домов осталось. В селе должен быть, в правлении, да и то наверняка не знаешь, то и дело, говорят, отключают. До самого Лысова, кроме грязи да ухабов, ничегошеньки нет.

Я поблагодарила и вновь тронулась с места; если в поселке отсутствует телефон, рваться туда не имеет смысла. Хотя в поселке должен быть милиционер... участковый непременно должен быть. К тому моменту я выехала на проселочную дорогу, о которой говорила старушка, и решила рискнуть. Раз два казалось, что машина навсегда увязла в грязи, но мне в тот день везло, ошметки грязи летели из-под колес во все стороны, я увеличила скорость и вскоре достигла шоссе. Впереди мелькнула машина, потом еще одна, движение стало оживленным, а я вместо того, чтобы обрадоваться, испугалась. За полчаса до этого мне казалось, что я начну вопить от счастья, увидев чью-то машину, и брошусь к людям за помощью, теперь же я подумала, что с того момента, как я покинула дом, прошло довольно много времени. Очень возможно, что меня уже ищут и, остановив чью-то машину, я могу обрести не друзей, а врагов.

Эта мысль меня подхлестнула, теперь я хотела одного: побыстрее добраться до города. Поворот, надпись: «Пост ГИБДД, 800 м». Там непременно должен быть телефон. Я сбросила скорость. Возле будки стоял мужчина в форме. Заметив меня, он сделал знак остановиться, а я опять испугалась, сердце забилось так, что перехватило дыхание. Я подумала, что упаду в обморок, резко затормозила, распахнула дверь и выскочила навстречу инспектору. Лицо его приняло удивленное выражение, затем он нахмурился и что-то крикнул, слов я не разобрала. Из будки появился его напарник и начал настороженно меня разглядывать, а я с опозданием поняла, что выгляжу, должно быть, в высшей степени странно: со спутанными волосами, в мятом платье, босиком и с выражением отчаянного страха на физиономии.

– Ваши документы, – произнес привычную фразу инспектор, приглядываясь ко мне.

– Мне надо срочно позвонить.

– Я у вас документы спрашиваю, – нахмурился мужчина. Его напарник ускорил шаги и встал так, чтобы отрезать меня от машины.

– У меня нет документов, – сказала я, понимая, что это не лучший ответ в данной ситуации, и едва не заревела от бессилия.

– Значит, документов у вас нет, – заметил он удовлетворенно, словно выиграл пари. – Машина принадлежит вам?

– Нет. Мне надо срочно позвонить. В милицию. И еще моему мужу. Меня похитили, я смогла сбежать. Но...

Было ясно, они мне не верят. В лучшем случае считают, что я пьяная или просто спятила. Однако рядом с людьми в форме я почувствовала себя в некоторой безопасности и посоветовала себе быть терпеливой. Надо все рассказать, объяснить.

– Пройдемте, – кивнул мужчина, продолжая разглядывать меня с таким видом, точно я была диковинным зверем, который одновременно вызывает и любопытство, и беспокойство.

– Послушайте, – начала я, но тут же мысленно себя одернула, так я только ухудшаю дело. – Идемте, – согласилась я и вслед за ним пошла к будке. Напарник инспектора в некоторой нерешительности отправился за нами, но внезапно передумал и стал маячить у дверей.

– Значит, катаемся без документов, – вздохнул инспектор, как будто данное обстоятельство навеки лишило его покоя и счастья.

– У вас есть телефон? – не обращая внимания на его вздохи, спросила я. – Позвоните в милицию. В нескольких километрах отсюда находится дом, где меня держали, там сейчас охранник, ему нужен врач. Машина его. Я думаю, зная номер, установить фамилию и адрес владельца будет нетрудно. И еще. Я вас очень прошу: мне надо позвонить мужу. Он уже несколько дней не знает, что со мной, понимаете?

– Значит, вас кто-то похитил, а вы сбежали? – недоверчиво уточнил инспектор.

– Дайте мне телефон, – теряя терпение, попросила я и как раз в этот момент увидела джип, он появился из-за поворота на большой скорости, инспектор еще не успел взмахнуть жезлом, а джип уже тормозил возле машины Олега. Время словно приостановило свой бег, и я видела происходящее в каком-то замедленном темпе: двери джипа распахнулись, появились здоровячки в темных очках, а я вскочила и бросилась к выходу.

– Куда? – растерялся инспектор и попытался загородить мне дорогу. Не помня себя, я оттолкнула его, выскочила на улицу и бросилась в лес, который начинался сразу от обочины.

Я бежала, не разбирая дороги, вдогонку мне неслись крики, я задыхалась от сумасшедшего бега и боялась, что сердце не выдержит, в конце концов споткнулась и кубарем покати-лась в овраг, который заметила слишком поздно. Овраг был глубоким, внизу росли кусты. Я распласталась под ними и попробовала отдышаться. Звуки погони сюда не доносились, но я не особенно обольщалась. Следовало решить, что делать дальше. Если попробую бежать по дну оврага, сверху меня могут заметить, но и прятаться здесь тоже опасно.

Прислушиваясь и каждую минуту ожидая нападения, я поползла вперед, укрываясь за кустами и постепенно успокаиваясь. Где-то рядом слышались голоса, потом они начали уда-ляться, а я, уже не таясь, поднялась и побежала. Через несколько минут вышла к болотистой местности, овраг кончился, но теперь ноги утопали по щиколотку в холодной воде. Идти к дороге было слишком опасно, оставалось двигаться по кромке болота в сторону леса, надеясь, что когда-нибудь болото кончится.

Я изрезала ноги осокой, измучилась, озябла, к тому же начало темнеть, и теперь я боялась заблудиться, но и возвратиться уже не могла, потому что ориентировалась с трудом.

Через некоторое время в лесу стало совсем темно. Одно радовало: из болота я все-таки выбралась, под ногами была твердая земля. Теперь следовало решить, куда идти дальше. Ежась от холода, обхватив себя за плечи руками, я тревожно оглядывалась. Лес больше не казался мне спасительным убежищем, он вызывал страх, таил в себе угрозу. В темноте мне отсюда не выбраться, буду плутать по одному месту и даже не пойму этого, но и оставаться здесь я не могу, ночи еще холодные, и я попросту замерзну.

Я пошла вперед, ориентируясь на высокую ель, однако через некоторое время потеряла ее из виду, то есть не была уверена, та это ель или другая. Ноги саднило, и сделалось так холодно, что я начала клацать зубами. Сил двигаться почти не осталось, но я все-таки шла, споткнулась, упала и вдруг поняла, что подо мной дорога, лесная дорога с набитой колеей.

Появились звезды, стало чуть светлее, и я смогла оглядеться. Так и есть, вне всякого сомнения, просека, деревья с двух сторон стоят сплошной стеной, а здесь ни кустов, ни дере-вьев на узком пространстве. Осталось решить, в какую сторону идти. Это было самое труд-ное. Я сделала несколько шагов, развернулась и побежала в обратном направлении. Не знаю, сколько это продолжалось, я уже отчаялась куда-нибудь выйти, как вдруг увидела огонек, мер-цавший впереди. Это выглядело так странно и даже пугающе, что в первое мгновение я при-няла его за галлюцинацию, но шаги все-таки ускорила. Я очень боялась, что потеряю дорогу, и оттого все время держалась колеи. Дорога сделала плавный поворот, и сомнения меня оста-вили: впереди мерцал фонарь, тусклая лампочка под допотопным металлическим козырьком, а рядом вагончик, в окошке которого тоже горел свет. Я приблизилась, теперь стал виден забор, ворота, штабеля досок и бревна, а я закусила губу, борясь с отчаянием: это леспромхоз, склад или что-то в этом роде, не похоже, чтобы рядом находилось жилье, и неизвестно, как меня здесь встретят.

И все же я направилась к вагончику с намерением постучать в окно, рядом залаяла собака, из-за ворот мне ее было не видно. Вдруг в нескольких шагах от меня в заборе откры-лась калитка, с залиvistым лаем выскочил пес, а вслед за ним появился мужчина с ружьем в руках и грозно спросил:

– Кого по ночам носит?

Я поспешила выйти на свет.

– Помогите, – попросила я, голос внезапно сел, и получилось чуть слышно. – Помогите, – повторила, – я в лесу заблудилась.

– Ох ты господи, – пробормотал мужчина, вглядываясь в меня, затем подхватил под руку и втащил в вагончик. Я бессильно опустилась на лавку, привалилась к стене и закрыла глаза. – Ты откуда ж в таком виде? – хлопотал возле меня сторож. – В одном платье, без обуви, а с ногами-то что, в болотину попала? Чего молчишь?

Я открыла глаза, мужчина стоял рядом и растерянно разглядывал меня. На вид ему было около семидесяти, сухонький, невысокий, с совершенно седыми волосами и смешной бородашкой, одет в телогрейку и почему-то в валенки с калошами, несмотря на время года.

– У вас есть телефон? – с надеждой спросила я.

– Здесь? Скажешь тоже, телефон... Откуда ему взяться?

– А жилье поблизости есть?

– Километрах в пяти деревня, только там в основном дачники. Сегодня вторник, выходит, деревня пустая, а до поселка километров пятнадцать, а то и все двадцать. Ты где заплутала?

– Недалеко от поста ГАИ. Там болото, испугалась, бросилась куда глаза глядят, а тут еще стемнело.

– За каким лешим тебя в лес понесло? Ты сама-то из города?

– Из города.

– Неужто одна по лесу шлялась? А туфлишки где? Потеряла?

– Потеряла, – кивнула я. – И туфли, и куртку. Там, на болоте. Мне позвонить надо. Мужу. Он, должно быть, с ума сходит от беспокойства. Помогите мне, я вам заплачу, только бы муж приехал. – Я не стала рассказывать о своих злоключениях, чтобы не напугать человека, да и сил на это у меня уже не было.

– Ох ты господи, – вновь пробормотал старик, с сомнением глядя на меня. – Сколько лет на свете живу, такого не помню. Не тайга у нас, чтоб так заплутать, хотя всякое бывает... Что с тобой делать-то? – Он подошел, хмурясь еще больше, вдруг коснулся моего лба руками и испуганно зашептал: – Мать честная, да ты в жару вся. Еще помрешь к утру, что мне тогда с тобой делать? Ну надо же, вот тебе раз, не думал, не гадал... Сиди здесь, я сейчас. – Он вышел из вагончика, за окном раздался шум, заработал мотор, судя по звуку, тракторный, а через некоторое время старик вновь появился в вагончике. – Поехали, – скомандовал он, помогая мне подняться.

Мы вышли, трактор он уже успел выгнать за ворота. С помощью старика я забралась в кабину, сторож сел рядом, трактор дернуло, и он, рыча, пополз вперед, свет фар выхватывал из темноты силуэты деревьев, блестящую от росы траву, разбитую дорогу с жуткого вида колеей.

– Куда мы едем? – спросила я. – В поселок?

– Сначала в деревню. Тут рукой подать. Если Семеныч, дачник, дома, считай, повезло, телефон у него, этот... который без проводов. Правда, то хорошо ловит, то не очень, на гору приходится подниматься. А уж не повезет, значит, попылим в село, но это как раз полночи, а мне с поста отлучаться не положено. Добро там по нынешним временам не бог весть какое, но и оно денег стоит, пенсией не рассчитаешься. Вот как... – Он еще что-то говорил, а я слушала, свесив голову на грудь, вздрагивала на каждом ухабе, испуганно оглядывалась и вновь начинала дремать. Очнулась, когда мы остановились.

Было так темно, что деревенский дом я не видела, только слышала, как мой спаситель стучит в окно и зовет кого-то:

– Семеныч, дома ли? Это я, Макар, открой. Дело у меня срочное.

Я распахнула дверь кабины и попыталась разглядеть силуэт, отделившийся от палисадника. Скрипнула калитка, и мужской голос позвал:

– Ты чего по ночам народ баламутишь?

– Девчонка у меня в тракторе. Вон, глянь... Заплутала в лесу, вышла ко мне сама не своя, и в жару, надо ейному мужу позвонить, чтоб приехал, поди, с ума мужик сходит от беспокойства, а кроме как у тебя, телефон здесь не водится. Ты уж извини, только такое дело...

Теперь из темноты вынырнули две тени, и я увидела старика-сторожа, а рядом с ним тучного мужчину лет шестидесяти с окладистой бородой. Он с подозрением взглянул на меня и покачал головой.

– У вас есть телефон? – хрипло спросила я.

– Есть, – кивнул он.

– Можно мне позвонить? Муж приедет за мной, я заплачу, вы не беспокойтесь.

– Не обеднею... Заплуталась, говоришь? – повернулся он к Макару. – Что-то тут... Я бы милицию вызвал.

– Вызывайте кого угодно, – не выдержала я, – только сообщите мужу. – И добавила: – Пожалуйста.

– Говорите номер, – недовольно буркнул он. Я назвала номер, очень боясь, что он забудет его или перепутает.

Мужчина пошел к дому.

– Простите, – крикнула я, – если по домашнему не ответит, есть еще сотовый.

Он скрылся в доме, а я стала ждать. Макар прохаживался рядом, поглядывая на меня и время от времени вздыхая. Наконец Семенович вернулся, но не один, следом шла женщина, она куталась в наброшенную на плечи куртку и нервно озиралась.

– Позвонили? – с надеждой спросила я.

– Позвонил, – кивнул мужчина. – До города почти семьдесят километров, так что...

– Это в самом деле ваш муж? – вмешалась женщина, голос ее звучал неприятно. – Как-то он странно отреагировал. Очень сомневался, что звонит его жена, хотел ваш голос услышать. Давно вы потерялись? Или это у вас дело обычное?

– Спасибо вам, – не обращая внимания на ее слова, сказала я мужчине.

– Пожалуйста, – пожал он плечами и добавил: – Он обещал приехать.

– Мне вся эта история кажется подозрительной, – заявила женщина. – И вообще...

– Мне ехать надо, – подал голос Макар. – Добро, оно пригляд любит.

Я спрыгнула на землю и сказала:

– Может, дождетесь мужа? Сумку я потеряла и отблагодарить вас смогу, только когда Толя приедет.

– Да мне ничего не надо, – махнул рукой Макар, забираясь в трактор. Заработал мотор, и трактор полез в гору.

Женщина отошла к калитке и оттуда наблюдала за мной.

– Ну, что ж, – начал Семенович, но жена перебила его:

– И не думай, я ее в свой дом не пушу. Сейчас такое время...

– Но не на улице же ей ждать, – возмутился он.

– Я сказала, не пушу, – отрезала супруга. – Хочешь, сиди с ней на улице, а за калитку ни ногой. – Она удалилась, хлопнув дверью, а он виновато развел руками:

– Вообще-то она права, в наше время...

– Да-да, извините за беспокойство, – пробормотала я. Он ушел вслед за своей женой, а я поднялась на пригорок. Здесь, в свете фонаря, возле дороги, под огромным деревом, кто-то соорудил стол и скамейку. Я опустилась на нее, положила голову на скрещенные руки. Ждать, ждать... Он сказал, километров семьдесят, значит, надо быть терпеливой. Места незнакомые, и Толе понадобится время, чтобы отыскать эту богом забытую деревню. Я начала считать до тысячи, напряженно прислушивалась и проваливалась в тревожный сон без сновидений. Я видела себя точно со стороны: растрепанные волосы, склоненную голову, кровоточащие

ладони, вздрагивала от холода, просыпалась, вновь забывалась сном и вновь видела то же самое.

Когда я в очередной раз подняла голову, близился рассвет. От земли сплошной стеной поднимался туман, это было красиво и почему-то страшно. Я так замерзла, что и дрожать, кажется, перестала. Совсем не чувствуя своего тела, я попыталась выпрямиться и едва не закричала от боли, и тут услышала шум: вне всякого сомнения, приближалась машина, из тумана возникли две фары, а еще через минуту я увидела «Сабурбан» мужа, а потом его самого. Он бежал ко мне навстречу в сопровождении четверых мужчин. Я выпрямилась, ухватила за край стола, пытаюсь удержаться на ногах, и заревела.

– Геля! – закричал он. – Геля, господи, Геля, почему ты здесь? Почему ты сидишь здесь, на улице? – Он подскочил, обнял меня, а я уткнулась лицом в его грудь, бессмысленно повторяя:

– Толя, Толечка, любимый...

– Геля, как ты... Боже мой... Геля, где Саша? – приподняв мое лицо, испуганно спросил муж. – Где Саша? Ведь она была с тобой?

– Что? – переспросила я.

– Ты знаешь, где Саша? – испуганно прошептал он, а я отчаянно закричала и провалилась в пустоту, где не было ничего, лишь кто-то настойчиво повторял: «Саша, Саша».

Я лежала в больничной палате. Белые потолки, белые стены... Белое навевало мысли о смерти. Высокое окно приоткрыто, оно выходило в сад, я слышала неясный шум, пение птиц и крики ребятишек где-то вдали. Анатолий сидел возле постели и держал меня за руку. Ворот рубашки расстегнут, галстук завязан небрежно, это так не соответствовало характеру моего мужа, что становилось ясно: происшедшее с нами выбило его из колеи. От его обычной невозмутимости не осталось и следа.

Мне сделалось очень жаль его, так жаль, что трудно было видеть его лицо перед собой, хотелось закрыть глаза и вновь нырнуть в небытие. Анатолий из тех, кто привык сам распоряжаться своей судьбой, диктовать свои условия. У него всегда все было под контролем, и вдруг он оказывается в полной зависимости от чьих-то решений или желаний и ничего не может изменить, исправить и вынужден только ждать. Такое любому человеку нелегко, а ему тяжелее во сто крат. Приходилось лишь удивляться, откуда он черпает силы вот так сидеть рядом со мной, улыбаться, утешать...

Двое суток я пробыла без сознания, и, когда очнулась, первым чувством был ужас, ужас от того, что мы потеряли столько времени. А потом стало даже хуже: я просто не понимала, что происходит. Тот первый разговор с мужем я помнила почти дословно. Я пришла в себя и сразу позвала медсестру. Через пятнадцать минут после ее появления приехал Анатолий, и я торопливо рассказала о доме в лесу, машине у поста ГИБДД, он выслушал, кивнул и заметил со вздохом:

– Я уже знаю.

– Что знаешь? – не поняла я.

– Про машину, про место, где вас держали. То есть мы уверены, что это именно там... Тебе ничего не известно о Саше? – с трудом задал он вопрос.

– Ее увезли от меня. Сказали, что вернут тебе. Боже мой, – простонала я, – и я поверила. Толя, зачем им ребенок? У тебя требовали деньги? Что думают в милиции, почему они ничего не делают?

– Я не обращался в милицию, – глядя на меня, ответил он со вздохом.

– Что? – растерялась я.

– Я не обращался в милицию, – повторил он. – Это было непременным условием. Я не мог рисковать вашими жизнями.

– Подожди, они до сих пор...

– После того как я привез тебя в больницу, мне позвонили и напомнили, что Саша все еще у них и если мы хотим еще когда-нибудь ее увидеть... в общем, ни о какой милиции и речи быть не может.

– Ты с ума сошел, – ужаснулась я. – Они найдут этих типов, номер машины, этот дом в лесу...

– Успокойся, – он крепче сжал мою руку. – Успокойся и выслушай меня. Мои люди очень осторожно навели справки об этой машине. Она куплена по доверенности три года назад неким Соловцовым Олегом Николаевичем, по месту прописки он не появлялся. Соседи говорят, где-то снимает квартиру. Квартиру мы смогли вычислить, но и там он в эти дни не показывался. Со старыми друзьями давно не виделся, новых, судя по всему, не завел. Боюсь, этот след никуда не ведет. После твоего побега парень залег на дно, и найти его можно лишь при большом везении.

– Но милиция...

– Геля, забудь про милицию. Мы не можем рисковать Сашкиной жизнью.

– Ты заплатил им деньги?

– Я платил дважды. Думаю, придется платить еще. Но рисковать я не намерен.

– Подожди, я не понимаю... А если они не собираются возвращать ребенка? Если... Толя, надо немедленно сообщить в милицию.

Он кивнул, точно соглашаясь, и погладил пальцами мою ладонь.

– Нет, девочка. Никуда мы обращаться не будем. По телефону мне ясно дали понять, что Сашкина жизнь полностью зависит от нашего благоразумия. Я уверен, они вернут ребенка. Основательно потрясут меня и вернут. Я уверен.

– А я нет, – зло ответила я. – Мы даже не знаем... О, господи, я думать боюсь об этом. Я пойду в милицию. У них есть возможности...

– Ты никуда не пойдешь, – спокойно заметил Анатолий, – я тебе запрещаю это делать. В милиции будут выполнять свою работу так, как они привыкли это делать. Задействуют десяток людей. Где гарантия, что среди них не окажется... Геля, доверься мне, я знаю, что делаю. Мои люди ищут Сашку. Конечно, это потребует времени, нам приходится быть крайне осторожными. Если они не собираются вернуть нам девочку, мы сами ее найдем. Но мы должны вести себя так, чтобы у похитителей не возникло и тени сомнения в нашей лояльности. Иначе... иначе все может оказаться тщетным.

Я смотрела на него и силилась уяснить для себя, что он сказал. Анатолий был уверен в своей правоте, наверное, он действительно был прав, но меня охватило отчаяние: столько времени прошло, а Сашку никто не ищет. Впрочем, Толя ищет, он делает все возможное и невозможное, в этом я не сомневалась.

Я заплакала, закрыв лицо ладонями. Он торопливо приподнялся, обнял меня и стал утешать:

– Успокойся, все будет хорошо, клянусь тебе, надо только потерпеть. Теперь, когда мы вместе, мы должны помочь друг другу пережить это тяжелое время.

– Я боюсь, – жалобно сказала я, – я боюсь, что ты не справишься, ведь в милиции...

– Забудь о милиции, – сурово отрезал он, отстраняясь. – Сашка моя дочь, и я все сделаю... Я не хочу больше обсуждать это...

Я испугалась и его тона, и выражения глаз, которое появилось и исчезло почти сразу, но я его запомнила. Моему мужу пришлось многое пережить за эти несколько дней, и он изменился.

– Хорошо, – тихо сказала я и кивнула. Он вновь обнял меня за плечи, гладил волосы и молчал. Я вытерла глаза, вздохнула и посмотрела на него, у меня было еще много вопросов, и я хотела услышать ответы на них. – Ты сказал, этот дом в лесу нашли...

– Да. Ты бредила и все твердила про этот дом, про машину на посту ГИБДД. Найти машину оказалось делом пустяковым, учитывая то, где я тебя нашел. А потом мы тщательно

изучили план данной местности и выделили ряд подозрительных объектов. Один из них находился в бывшем охотничьем хозяйстве, три года назад он был продан одной фирме, которая через несколько месяцев прекратила свое существование. Установить истинного владельца будет трудно, и в данном случае это хорошо.

– Хорошо? – думая, что ослышалась, переспросила я.

Анатолий с минуту смотрел на меня, потом слабо улыбнулся и отвел взгляд.

– Ты так и не рассказала мне, что там произошло... Как тебе удалось бежать?

– Там был охранник, его машина...

– Все это я знаю. В данном случае меня интересует другое...

– Что другое?

– Извини, – мягко сказал он, а я поняла, что покраснела и голос мой звучит необычно. –

Геля, я прошу тебя... Я твой муж, кому, как не мне, ты должна довериться.

– Мы были одни. Я ударила его табуреткой, нашла в его кармане ключи.

– Он что, пытался изнасиловать тебя?

Я закрыла лицо руками.

– Как ты... почему ты спросил?

– Мои ребята были в этом доме, я же сказал. И кое-какие детали навели их на мысль...

– Какие детали?

– Геля, дорогая, речь сейчас не об этом.

– Я не понимаю...

– Я твой муж и хочу тебе помочь. Что там произошло?

– Он приставал ко мне... Я вырвалась, там стояла табуретка, возле входной двери. А дверь заперта. Я знала, мне не выбраться. И ударила его.

– Девочка моя... – Он взял мои руки, легонько встряхнул меня, глядя прямо в глаза. – Я хочу, чтобы ты забыла о том, что произошло в доме. Ты там никогда не была. Где тебя держали, не помнишь. Это на тот случай, если милиция когда-нибудь проявит интерес. Ты не видела этого парня, его машины. Инспекторы тебя не вспомнят, об этом я позаботился.

– Толя, я ничего не понимаю, – растерялась я.

– Главное, чтобы ты...

– Я не понимаю, – испуганно повысила я голос.

– Детка, этот парень мертв. Ты ударила его слишком сильно, голова раскололась, как орех... И я ничуть не сожалею об этом, я просто не хочу, чтобы ты прошла через весь этот кошмар допросов, суда... Ты и так пережила слишком много.

– Я убила его? – ахнула я, не в силах поверить в такое.

– Успокойся...

– Но этого не может быть... – Толя хотел меня обнять, я вцепилась в его руки, до боли стиснув их. – Он был жив. Когда я уходила из дома, он был жив, я еще очень боялась, что он очнется, когда искала ключи.

– С такой травмой головы не живут.

– Подожди, подожди, – заволновалась я. – Я ударила его несколько раз. У него была кровь, стекала по щеке. Я очень испугалась, я боялась, что убила его, и нащупала пульс. Он был жив. И Алексей сказал... Боже мой, это он убил его, конечно.

– Алексей? – нахмурился Толя. – Кто это?

– Второй охранник, он приехал раньше.

– Ничего не понимаю. Второй охранник был там... Но как тебе удалось уйти?

– Он меня отпустил.

– Охранник?

– Да. Сказал, что его смена лишь через час, и позволил мне уехать. Теперь ясно почему: он хотел разделаться с Олегом.

– Извини, дорогая, но я ничего не понимаю. Один охранник убил другого и при этом позволил тебе сбежать.

– Звучит странно, но именно так оно и было.

– Выходит, у них какие-то старые счеты, и он воспользовался ситуацией? Как бы то ни было, детка, я запрещаю тебе даже думать о том, что там произошло. Тебя никогда не было в этом доме, и ты его в глаза не видела. Не хватает еще обвинений в убийстве...

– Но... ведь они похитили меня. Эти люди – преступники.

– Все это придется доказать. Я не желаю подвергать тебя лишним испытаниям. Забудь о том, что там было. Мы должны думать о Саше.

– Но если мы...

– Я тебе уже объяснил, этот след никуда не ведет.

– А труп? Что сделали с трупом? Он все еще там?

– Нет. Ребята навели в доме порядок. Я не хочу, чтобы там обнаружили твои отпечатки. И все, мы больше не говорим об этом. Наша главная забота – вернуть Сашку. Сейчас я могу думать только об этом. Я нуждаюсь в твоей помощи, – тихо сказал он. – Поэтому очень прошу: выздоравливай побыстрее. И еще: не мучь себя.

Я вспоминала тот разговор, глядя в лицо мужа и почти не слушая, что он говорит. Я провела в больнице пять дней, и сама мысль остаться здесь еще на день приводила меня в ужас. Я не могла находиться здесь, разглядывать потолок и в сотый раз возвращаться к одному и тому же: Сашка, где она, что с ней, и так ли мы правы, скрывая все от милиции. Я знала, что говорить об этом с мужем бессмысленно, в эти дни мы без конца возвращались к данной теме, и всякий раз он убеждал меня, что единственный способ спасти Сашку – держать все в секрете. Его люди работают... У мужа крупная фирма, и охрана состоит из профессионалов, он неоднократно с гордостью говорил об этом. Они проведут любую операцию лучше милиции. Сейчас он уговаривал меня не торопиться и остаться в больнице еще на пару дней. Я не слушала его уговоров, дождалась, когда он закончит, и заявила:

– Я не хочу здесь оставаться. Если меня не выпишут, я уйду сама.

– Хорошо, – помедлив, согласился он. – Раз ты настаиваешь... Тебе помочь собраться?

– Нет. Скажи, они больше не звонили?

– Нет, иначе бы я сразу сообщил тебе. С Сашкой все в порядке, я же чувствую. Я бы непременно... Извини, – вздохнул он. – Пойду вызову охрану. – Он вышел из палаты, а я еще некоторое время сидела задумавшись.

Странно, что похитители до сих пор не объявились. После их последнего звонка, по словам мужа, прошло несколько дней. Они не требовали денег, просто запретили ему обращаться в милицию и предупредили, что если я не буду молчать... Чем больше я об этом думала, тем больше подозревала, что муж что-то скрывает. Если ребенка держат из-за денег, им пора дать знать о себе. А они молчат. Им нужна гарантия, что я буду держать язык за зубами? Допустим. Как долго они намерены скрывать у себя ребенка? Месяц, два, три? О господи... Я не удержалась и опять заревела. А если дело не в моем молчании и не в деньгах? Что этот тип говорил, когда меня привезли в охотничий домик? Он называл срок в две недели. Но две недели прошли. Если они намеревались вернуть ребенка, им пора сделать это. Выходит, все-таки дело во мне. Я сбежала и осложнила ситуацию, расплачиваться за это придется Сашке. Но почему нас разлучили, какой в этом смысл? Мысли путались у меня в голове. Я пробормотала:

– Что-то не так, что-то неправильно. – Вспомнила о том, что собиралась покинуть больницу, поднялась, достала из шкафа костюм и переоделась.

В палату вошел Анатолий.

– С врачом я поговорил.

– Мы можем ехать? – спросила я.

Он кивнул, глядя на меня с сомнением.

– И все же я бы предпочел...

Я торопливо вышла в коридор. Возле палаты дежурили двое мужчин из охраны мужа. Охрана появилась в тот день, когда меня привезли сюда, и находилась здесь круглосуточно. Один из охранников пошел вперед, Толя взял меня за руку, второй охранник замыкал шествие. Джим подогнали к самым дверям, мы загрузились так быстро, что я не успела понять, какая на улице погода. Нас сопровождали две машины. Казалось, мужа это ничуть не раздражало, точно он вовсе не замечал суеты вокруг. А я подумала, что не хотела бы ни себе, ни Сашке такой жизни. Весь день под присмотром десятка глаз, точно под конвоем. Чем это лучше тюрьмы? Впрочем, я лукавлю, я готова на все, пусть конвой, пусть в самом деле тюрьма, лишь бы вернуть ребенка.

Квартира показалась мне пустой и непривычно тихой. Такое чувство, будто в доме траур. Я запретила себе думать об этом. Из комнаты вышла Юлька, она навещала меня в больнице и сейчас ждала здесь, в своей комнате, хотя все это время жила у себя в квартире.

– Ну, вот ты и дома, – улыбнулась она. – Наконец-то...

Мы обнялись и заревели. Юльку Анатолий о случившемся обязал молчать. Она очень переживала. Достаточно было увидеть ее лицо, затравленный взгляд, чтобы понять: ей пришлось нелегко. В первую нашу встречу в больнице она горько плакала и просила у меня прощения. Я не считала ее виноватой. Что она смогла бы сделать? Запихнули бы в машину вместе с Сашкой или того хуже... Думаю, она не верила в мои слова, потому что в глубине души была убеждена в своей вине и не могла допустить, что я думаю иначе.

Юля отправилась на кухню, а мы прошли в гостиную. Букет роз стоял в вазе на камине.

– С возвращением, – улыбнулся Анатолий и поцеловал меня. Я кивнула, не в силах выжать из себя ответную улыбку. Он обнял меня, и мы долго стояли так, пока Юлька не позвала нас обедать.

Я была уверена, что, покинув больницу, смогу принять самое деятельное участие в поисках ребенка. Но все стало даже хуже. Целыми днями я сидела дома, косясь на телефон, каждую минуту ожидая звонка, а когда телефон звонил, я так пугалась, что не могла снять трубку. Покидать дом муж мне запретил в целях моей же безопасности. Если я и выходила, то только в сопровождении охраны. Юлька считала своим долгом с утра до ночи мозолить мне глаза, ее внимание раздражало меня. Я знала, она хотела мне помочь и старалась быть полезной, но ничего со своими чувствами я поделать не могла. Иногда я злилась так, что готова была просто выгнать ее из комнаты. Впрочем, не только Юлька вызывала у меня раздражение. Несчастье дурно сказалось на моем характере, я ловила себя на мысли, что поражаюсь способности мужа работать в такое время. Он уезжал в офис, что-то там решал, разговаривал с людьми, как будто ничего не изменилось. Это удивляло и одновременно пугало меня, вызывало злость и едва ли не ненависть. Я понимала, что если дам волю эмоциям, то очень быстро бог знает до чего смогу дойти. Своя работа меня не интересовала, и это было тоже необычно, потому что я всегда относилась к ней очень серьезно. На второй день я поехала в музыкальную школу (считалось, что я на больничном), но стоило мне войти в школу и увидеть детей, как у меня началась форменная истерика. Пришлось звонить мужу. После этого случая появляться в школе желание у меня не возникало.

В четверг я встала поздно, не хотелось покидать постель, раз день не сулил ничего хорошего. Я шла из ванной, когда услышала, как из кухни меня зовет Юлька:

– Геля, хочешь кофе?

– Хочу, – ответила я.

Юлька завтракала. На большом столе с мраморной столешницей лежал ворох журналов, Юлька обожала глянцевые журналы и могла часами их разглядывать. Сейчас эта ее привычка

вызвала у меня раздражение. Я подумала, что становлюсь малоприятным для окружающих человеком. Мне сделалось стыдно, и я поспешно улыбнулась.

– На улице солнышко... Анатолий Викторович просил кое-что купить, список на подоконнике. Прошвырнемся по магазинам?

– Прошвырнемся, – кивнула я, отодвинула журналы, освобождая место за столом. Рядом лежала газета, сложенная вчетверо. – Это ты читала? – спросила я скорее риторически – газетами Юлька не интересовалась.

– Нет, Анатолий Викторович за завтраком.

Меня газета тоже не интересовала, я хотела было бросить ее в общую кучу, но она соскользнула на пол, я наклонилась, чтобы поднять ее. Газета, падая, раскрылась. Подняв, я свернула ее, но не так, как она была свернута до того момента, и с равнодушием отбросила. И тут мой взгляд случайно упал на фотографию в самом низу страницы. Нахмурившись, я придвинула газету и посмотрела внимательнее. Снимок был нечетким, и лицо человека на фотографии выглядело как-то странно, глаза закрыты, а вот рот слегка приоткрыт, но одно стало для меня несомненно: на фотографии Олег. Я прочитала подпись под фотографией: «В районе речки Черная обнаружен труп мужчины, крепкого телосложения, рост 182 см, волосы темные, на вид около 27–30 лет. Просим всех, кто может сообщить что-либо, позвонить по телефону...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.